

Рождение Мага

Автор:

[Ник Перумов](#)

Рождение Мага

Ник Перумов

Миры УпорядоченногоЛетописи Разлома #2

Пророчество мира Эвиал предвещает скорое пришествие Разрушителя. Грядущий Разрушитель сокрушит Завесу Тьмы, которая прорвется в мир и поглотит его. Инквизиция Церкви Спасителя не покладая рук любыми методами пытается его найти и уничтожить.

В этот закрытый, неприглядный мир и забросил Фесса мощный взрыв от встречи двух магических Мечей. Потерявший память и большую часть способностей бывший воин Императора Мельина принимает здесь имя Неясыть. Он становится некромантом, чем привлекает внимание жестокого инквизитора отца Этлау. Но не только врагов приобретает здесь Фесс – вместе с ним в путь отправляются гном Сугутор и орк Прадд.

Боевой маг Клара Хюммель, разыскивающая племянника своей подруги, со своим отрядом застревает в Межреальности. Чтобы выбраться с этих троп среди миров, они вынуждены принять помощь представителя Дальних Сил. Взамен Клара должна найти спрятанные Фессом Алмазный и Деревянный мечи.

Тем временем из Разлома в Мельине лезут чудовищные твари. Они похищают Сеамни Оэктаканн, невесту Императора. Спасая её, он сам спускается на дно Разлома.

Ник Перумов

Рождение Мага

Синописис, или Что было раньше

Когда в мире Мельина властвовали и вели между собой смертельную борьбу расы гномов и молодых эльфов, иначе называемых также Дану, их мастерами-волшебниками были созданы два магических меча; гномами – Алмазный, или Драгнир, а Дану, властителями лесов, – Деревянный, или Иммельсторн. Вся ярость народов оказалась вложена в эти мечи; и, сойдись они в бою, высвобожденная мощь с лёгкостью уничтожила бы мир. Волею всемогущей судьбы два этих меча пробудились одновременно. Драгниром не без хитрости, коварства и предательства завладел гном Сидри Дромаронг. Иммельсторн захватили маги людской расы, использовав рабыню Дану по имени Сеамни Оэтаканн. Во время войны, где все сражались против всех: людская Империя – против Радуги, семи магических орденов, Дану и гномы – против людей и друг против друга, вдобавок началось вторжение странных существ, именовавших себя Создателями Пути; миру Мельина они несли всеобщее уничтожение. В кровавом хаосе всеобщей смуты начали сбываться зловещие Пророчества Разрушения, Алмазный и Деревянный Мечи уверенно шли навстречу друг другу, неся с собой смерть и уничтожение.

Среди сподвижников Императора людей был некто Фесс, молодой воин и волшебник, рождённый вдалеке от плоти того мира, где ему пришлось сражаться. Он происходил из загадочной Долины магов, таинственного места в Междумирье, где испокон веку жили одни из сильнейших чародеев Упорядоченного. Фессу давно прискучила размеренная жизнь Долины; он покинул её, сделавшись воином и прознатчиком Императора в мире Мельина.

Фесс оказался тем единственным, кто в воцарившейся сумятице сумел-таки понять, что же нужно делать. В завязавшемся сражении, когда легионы Мельинской Империи сошлись с воинством гномов, несших с собой Драгнир, и отрядом Дану, направляемых и ободряемых Иммельсторном, Фессу удалось оказаться рядом со столкнувшимися наконец в последнем бою Алмазным и Деревянным Мечами...[1 - Об этих и других событиях подробно рассказано в романе «Алмазный Меч, Деревянный Меч».]

Зачин

Фесс неподвижно висел в пустоте Междумирья, с трудом приходя в себя после так и не достигшего Долины заклѣтия.

Едва ли ему дадут уйти невозбранно. Если правда всё то, что он вполуха слушал на занятиях ещё дома, в Долине, если правда то, о чём нехотя, намёками да экивоками иногда говорила Клара,[2 - Клара Хюммель – персонаж романа «Алмазный Меч, Деревянный меч», жительница Долины магов, могущественная волшебница, боевой маг по найму, глава Гильдии боевых магов, наставница Фесса.] если правдивы его собственные предчувствия – то в покое его не оставят. Фесс не льстил себе. Против такой мощи ему, одиночке, не выстоять, особенно здесь, в пустоте, в Межреальности, где бесполезны все его боевые навыки и где спор идёт на языке чистой магии, в которой ему, что греха таить, далеко до той же Сежес,[3 - Сежес – маг, глава одного из Орденов Радуги.] не говоря уж...

И, если всё-таки тут допущена ошибка, уж лучше пусть он потом поломаёт себе ноги и до крови сотрёт руки, чем в одночасье лишится головы. Потому что никогда нельзя с уверенностью сказать, на что окажутся способны враги, обладающие магическими способностями, тем более такими, как у мельинского сообщества магов, семицветной Радуги.

Так что уж лучше он поостережётся.

Фесс перевёл дух и начал работать. И работал до тех пор, пока ослепительная вспышка боли не возвестила о том, что кое-что ему удалось.

* * *

...Фесс падал. Чёрная воронка стремительно засасывала его, спелёнутый мраком, беспомощный, ещё не пришедший в себя после отдачи от низринувшегося в пустоту разрушительного заклѣтия, он не мог бороться. Он чувствовал, как в него вперились горящие ненавистью, раскалённые взгляды; шесть существ, шесть могущественных сущностей смотрели на него, и для этих

взоров не были преградой ни Реальность, ни Междумирье. Ему захотелось исчезнуть, превратиться в мельчайшую частицу сущего, скрыться там, на самом дне мироздания; страх, какой ему ещё не доводилось переживать, рвал на части душу; ослепшие глаза не видели ничего, кроме тянущихся к нему сквозь мировые провалы шести парных огненных нитей – как будто вражьи взгляды внезапно обрели плоть.

Безжалостная сила мяла и рвала его, чужие невидимые пальцы норовили пробраться вглубь, разворошить память, вывернуть её наизнанку, безжалостно и раздражённо вытрясти всё мало-мальски ценное, подобно ночному грабителю, вместо тугого купеческого кошелья случайно ухватившему рваную суму уличной попрошайки. Однако грабитель чувствует, что на самом дне, под грязной ветошью, корками и медяками спрятан золотой, большой, настоящий золотой, – и потому не унимается. Фесс не сопротивлялся. Он даже ощутил нечто вроде гордости – сумел, предвидел, предугадал, Клара Хюммель осталась бы им довольна. Ощутил – и тотчас же изорвал предательскую мысль в мелкие клочки и вышвырнул прочь из сознания. Если учуют – беда, все труды насмарку. Но как же быстро, однако, его отыскали! Наверное, следили специально, не упускали из виду – потому что по одному только астральному следу так быстро найти его невозможно. По крайней мере, он о способных на такое не слышал, но мало ли о чём он никогда не слышал!

Тем временем продолжало работать его собственное заклятие, нужно было продержаться ещё немного, ещё чуточку – прежде чем они заметят и нанесут ответный удар. Залог успеха – стремительность и неожиданность. Лобового столкновения ему не выдержать, как храбрая, но вооружённая лишь луками да стрелами пехота не выдержит фронтального удара окольчуженной конницы с длинными пиками.

Падение превратилось в полёт. Сердце готово было птицей вырваться из груди – что делать, плоть слаба; но, если ему удастся продержаться, они, кем бы ни оказались, не допустят его гибели. Разъяв опоры Межреальности у него под ногами, они рассчитывали на естественный для человека ужас, потерю себя; они рассчитывали даром заполучить то, что хотели, – он не поддался. И теперь им оставался только один путь – долгий, обходной и трудный. Правда, и он, Фесс, увы, не останется прежним – слишком уж велика цена.

И когда сознание начало наконец гаснуть, он успел заметить, что падение приостановилось. Те, что умели жонглировать слоями Межреальности, словно

детскими игрушками, признали своё поражение. Точно подушку, долженствующую смягчить падение, они подсовывали Фессу мир.

Он ещё не успел порадоваться победе, не успел блаженно смежить веки, проваливаясь в мрак спасительного забвения, когда они нанесли ещё один, последний удар, оказавшийся самым страшным.

«Тысячами незримых нитей обвивает тебя Закон. Разрубишь одну – преступник. Десять – смертник. Все – Бог!»

Эвенгар Салладорский, основатель Школы Тьмы.

(Извлечено из преданного анафеме и сожжению трактата «О сущности инобытия», Салладор, 1176 год от Пришествия)

Пролог

Море Ветров оправдывало своё название. Третьи сутки, не переставая, свирепствовал ветер; на море он поднял бурю, на сушу же обрушил потоки ледяного ливня, смешанного с острым градом. Впрочем, непогоде удивляться не приходилось. Весна на побережье Северного Клыка приходила поздно, тундра в предгорьях расцветала, словно торопясь взять всё, что можно, от коротких тёплых дней; зато вне защиты гор, на обращённом к вечному льду побережье, холодный ветер брал реванш за краткое отступление.

Невозможно было даже понять, ночь сейчас или день – небо закрыли тучи столь плотные и чёрные, что солнечный свет совершенно померк; серо-зелёные валы, взяв разбег, с нерастрачиваемой яростью штурмовали гранитные бастионы прибрежных скал, и, судя по обилию острых каменных обломков в кипящей белой полосе прибоя, штурм этот частенько венчался успехом.

Открытая всем ветрам, на исполинском красноватом утёсе, добрых пять сотен локтей высоты над бушующим морем, стояла древняя башня, сложенная из покрытого седым серым мхом дикого камня. Несмотря на годы, башня не поддавалась ни ливням, ни ветрам; и, несмотря на царившее вокруг запустение, в

верхнем оконце башни горел огонёк. Тонкий лучик света пробивался сквозь узкую щель в тяжёлых ставнях; и это был один-единственный огонь на много-много лиг вдоль Северного Клыка и дальше, по бесплодным и унылым тундрам.

В верхнем покое ровным светом горела магическая хрустальная лучина; яснее ясного, что обитатель этой башни был чародеем. За столом, склонившись над желтоватым пергаментом, сидел высокий сутулый старик, лысый, с редкой неопрятной бородой, свисавшей на стол длинными засаленными прядями. Старик что-то очень старательно писал; выводя вычурные руны Древней Речи, он, словно школяр, склонял голову набок и высовывал язык. Перо ползло еле-еле, правда, штрихи, росчерки и завитушки складывались в неправдоподобно правильные начертания рун, каким позавидовал бы и сам мастер Каллиграф, декан соответствующего (ныне, впрочем, увы, упразднённого за ненадобностью) факультета Академии, который за глаза студиозусы с профессорами презрительно именовали не иначе, как «школа чистописания». Ну скажите на милость, кому сейчас нужна архаичная, вырождающаяся магия рун, где малейший волосяной штрих, лёгший не так, как надо, может полностью извратить заклятие?

«Эх, Парри, Парри, только в чистописании-то ты и преуспел, – горько подумал старик. – Вот и сиди, доживай теперь свой век на краю света, где только с моржами да крачками и поговоришь. И делать здесь совершенно нечего, прорыв может произойти где угодно, только не здесь – иначе сюда отправили бы кого помоложе. Да не одного, а пару-тройку. Эх, да что там говорить, если всё, что тебе оставили, – писать никому не нужные донесения!»

«За истекшие сутки на вверенном Вашей Милостью моему попечению участке ничего существенного не произошло... Отмечены перемещения: упырей снежных – две единицы, гадов перепончатых пролётных – шесть единиц. Изменений в астральной составляющей не отмечено. Астралозависимых существ не отмечено. Старший наблюдатель Парри, башня Сим, Северный Клык». Дата, подпись. Когда-то от подписи Парри приходил в восторг сам престарелый мастер Каллиграф, суля своему любимому ученику если не всемирную славу мага рун, то, по крайней мере, тёплое местечко на кафедре – сперва ассессора, потом адъюнкта, а потом – чем Тьма не шутит? – так даже и профессора. Пусть не полного, хотя бы приданного, но и это уже казалось молодому тогда Парри блестящей карьерой. И где все эти мечты?.. Где честолюбивые планы в один прекрасный день совершить наконец нечто такое, отчего к любимой магии рун, магии начертанных знаков враз вернётся её прежнее высокое положение?.. Всё

погибло, всё растаяло, всё развеялось, подобно тому сакраментальному «дыму под ветром», и теперь удел Парри – ломота в суставах и неотвратимое чувство приближающегося приближения (о, мастер Каллиграф, прости мне этот оборот!). И осознание, что жизнь – позади и всё, что осталось, – это угрюмый каменный покой, изморозь по углам, источенная жуками мебель (Парри так и не удалось подобрать соответствующего рунного заклинания, а иные, из других областей, в его исполнении попросту не сработали), скудные припасы, мрак, мгла, одиночество... Другие, ещё более бесталанные маги, но сумевшие остаться пусть даже на самой ничтожной должностишке в цивилизованных и населённых местах, могли, по крайней мере, рассчитывать на то, что сумеют найти нового адепта, способного к обучению аколита. Конклав высоко ценил каждого открытого неопита, пусть даже тому и не удавалось поступить в Академию или же он оказывался отчислен после первого же семестра. Но в таких местах, как Северный Клык, мечтать об открытии аколита не приходится – скорее уж ему, Парри, повезёт первым засечь начавшийся прорыв.

Однако вспыхнувшая надежда оказалась настолько острой, Парри настолько явно представил себе, как в дверь его стучится... ну, скажем, заброшенный сюда бурей мореход с Волчьих островов, и Парри смотрит на него и видит...

Рука волшебника сама потянулась и открыла потайной ящик. Старый стол давно скособочился и рассохся, ящик удалось вытянуть лишь с большим трудом – на изрядно обтрёпанном, вытертом чёрном бархате лежало простое серебряное кольцо, без всяких камней, украшенное лишь одним гербом Парри, гербом, который безродный сын сапожника из южного Эбина получил, закончив Академию.

Парри осторожно коснулся пальцами чёрнёного серебра. Кольцо аколита. Его он вручил бы тому, в ком ощутится Сила, достаточная, чтобы посягнуть на обучение в Академии. Неопит придёт на поступление, имея это кольцо на пальце – единственное простое кольцо вместо всяких там рекомендательных писем и тому подобного. Кольцо послужит и пропуском, и проводником. Его невозможно ни украсть, ни подменить, ни потерять. Никакой другой человек, пусть и втрое сильнее, не сможет им воспользоваться. Именно по этому кольцу ректорат и определит, кто конкретно послал ученика, кто первым открыл в нём дар чародейства. Сумевшему совершить такое полагалась награда. Самое меньшее, на что мог рассчитывать Парри, – перевод из этих Спасителем проклятых мест куда-нибудь на юг, в Мекамп или Эгест; да что там Мекамп или Эгест! Парри согласился бы и на жаркий Кинт, и на заносчивый Салладор, лишь бы выбраться

отсюда. А уж Семиградье или Империю он воспринял бы как наивысшее блаженство.

Старик всхлипнул. О чём он мечтает, о чём? Здесь нет и неоткуда взяться ни единому живому существу. Моряки Волчьих островов не заходят за Северный Клык – в тундре не с кого брать добычу, а китов с моржами проще и ближе добывать южнее и западнее. Вдобавок ярлы и таны морского народа не скупятся, и потому у них на службе всегда самые лучшие мастера погоды, каких только можно найти за деньги и какие соглашаются служить этому разбойному племени, – впрочем, надо сказать, что отказывали им весьма и весьма редко.

Парри медленно задвинул жалобно скрипнувший ящичек. Наверное, он так и умрёт здесь, в круглой комнате с голыми каменными стенами, при одном взгляде на которые хочется немедленно повеситься. Кольцо останется лежать не востребуемым – точнее, его востребуют только люди из ведомства мастера Архивариуса, едва лишь известие о его смерти дойдёт до Академии. Парри представил – чужие руки, открывающие стол, касающиеся постаревшего серебра... потом кольцо навеки упокоится в недрах необъятного хозяйства архивистов, и о нём, Парри, сотрётся последняя память.

Несколько минут старик сидел неподвижно, заледеневшим взглядом смотря на пляшущий язычок холодного яркого огня. Потом вздохнул и вновь взялся за письмо. Что бы он ни думал, долг перед Академией должен быть выполнен сполна.

Парри несколько раз перечитал короткий текст. Парой неуловимых движений, едва касаясь пером, подправил какую-то руну. Пониже собственной подписи поставил число – 11 марта 1497 года от Пришествия. Теперь всё было готово. Оставалось только воспользоваться кристаллом – хвала богам старым, новым и вообще всем, какие только есть, тут ему не приходится напрягаться. Академия предусмотрительно снабжает своих наблюдателей, разбросанных по всей необъятной Ойкумене, такими вот артефактами, позволяющими в мгновение ока перенести в Ордос любое послание. Правда, ни на что другое красивые голубые камни способны не были, но для Парри и это являлось спасением.

Само чародейство было не из сложных. Фактически с ним справился бы любой неофит, если б не запрет Академии, не поскупившейся на охранные заклятия. Парри аккуратно положил кристалл поверх желтоватого свитка, привычно закрыл глаза и сосредоточился.

Хрустальный светец внезапно мигнул. Холодное негасимое пламя заметалось, словно в панике, и в следующий миг погасло. Парри оторопел, так и замерев с полуоткрытым ртом – на свете не существовало силы, способной преодолеть это заклятие, сплетённое в позабытые времена ещё самым первым Магом. Даже всемогущая Тьма, о которой истинные чародеи боятся даже и думать, не способна на такое.

Спустя мгновение лучинка засветилась вновь. Прежним, успокоительным, мирным светом. Однако от этого Парри стало ещё хуже. Дрожащими руками старик уже срывал одну за другой покрытые пылью печати со старинных свитков – его собственный заветный арсенал, приберегавшийся на случай истинного прорыва и вот наконец дождавшийся своего часа.

Тьма пошла в атаку. А он так надеялся, что...

Вой ветра за ставнями сменился рвущим слух грохотом. Щели полыхнули белым, словно при вспышке молнии. Башня содрогнулась от фундамента до венчавшего её острого железного шпиля – однако в следующий миг всё стихло. Руки Парри замерли, уже готовые развернуть один из свитков; но мгновения текли, всё оставалось спокойно, снова завыл ветер, ровно горел хрустальный светец, и замерший над рунами маг вновь ощутил спокойное, незамутнённое течение Силы. Астрал вновь замер во всегдашнем своём хаосе, как бы ни казались противоположными по смыслу эти слова: «замер» и «в хаосе».

А ещё несколько мгновений спустя кто-то изо всех сил забарабанил в дверь башни. Остолбенев и не доверяя себе, Парри воззрился на стоявшую в углу хитроумную установку – переплетение зубчатых колёс, нагревательных колб, противовесов, червячных передач и обратных холодильников; от этого устройства пришёл бы в ужас мастер Алхимик, однако машина, в чьём сердце скрывался кристалл, зачарованный самим ректором Академии, а в колбах кипели не имевшие названий на старых человеческих языках субстанции, – машина эта умела чётко опознавать тварей прорыва, и в этом Парри вполне полагался на неё.

Как и положено, машина пребывала в покое. Судя по всему, никакого прорыва и впрямь нет. А стучится в двери его...

Парри взял в руки светец и начал спускаться по лестнице. Из трёх ярусов башни жилым был только один, самый верхний; в двух других хранились припасы и ещё какой-то хлам, разобрать который у старика никогда не доходили руки, хотя, казалось бы, особых дел у него не наблюдалось и простой человек, наверное, просто помер бы тут со скуки. Простой человек, но не волшебник, пусть даже выпускник факультета рунной магии, давным-давно превращённого в заштатную кафедру.

Дверь башни, тяжеленная, из старой наговорной бронзы, была заперта на три засова. По углам скопилась наледь, Парри мгновенно продрог до костей – тепло держалось лишь в самом верхнем ярусе его обиталища.

– Кого там Тьма несёт? – придавая голосу пристойную строгость, что было сил крикнул он.

Неистовый стук в дверь прекратился. Тот, кто был снаружи, что-то ответил, но на каком-то странном языке, Парри не разобрал ни одного слова. Правда, в интонациях ошибиться было невозможно – ночной гость просил убежища. И он явно замерзал.

Но откуда же он взялся тут, в ледяной пустыне, где почти всюду ещё не тронутый оттепелями снег?..

Догадка пришла сама собой – а не появление ли этого гостя возвещало так напугавшее Парри возмущение магических сил? Но тогда – кто он такой? Посыльный Академии? Вздор, тогда использовалось бы совсем иное волшебство.

Парри заколебался. Открыть дверь Тьма ведает кому?..

Отчаянный стук в дверь возобновился. Гость что-то выкрикивал, слова оставались непонятны, но ужас и боль Парри чувствовал безошибочно. Пришелец не искал боя или добычи, он сам нуждался в защите и тепле; помедлив ещё чуть-чуть, Парри наконец отодвинул засовы.

Ворвалось облако пара, и, с трудом шагнув через высокий порог, на полу башни распростёрся полуголый человек в лохмотьях, какой никогда бы не смог сам добраться до Северного Клыка холодной здешней весной.

Парри поспешно задвинул засовы и подхватил упавшего под руки. Открылось бледное, совсем ещё молодое лицо, совершенно седые, несмотря на невеликие года, волосы над высоким лбом; кожа маслянисто блестела. Кажется, парень не успел всерьёз обморозиться, подумал Парри и, пыхтя, потащил тяжёлое тело вверх по лестнице.

Всё дальнейшее руки старика уже делали сами. Горячий эликсир, несколько рунных свитков (Парри не без гордости подумал, что руки у него по-прежнему не дрожат, когда и впрямь доходит до дела) – и парень, застонав, открыл глаза.

– Всё хорошо, всё хорошо, мальчик, – ласковым голосом сказал Парри. – Всё в порядке, только полежи смирно, полежи тихо, пока снадобье подействует...

Было совершенно неважно, что именно говорить, лишь бы это звучало успокоительно и дружелюбно. Парри старался не делать резких движений – гость поразительно быстро приходил в себя, никаких следов холодового шока, никаких следов шока от магии...

От магии?! Стоп! Парри с трудом заставил себя подняться со стула спокойно и размеренно, а не вскочить и броситься, несмотря на донимающие боли в спине и ногах.

Дрожащими руками Парри достал из потайного ящичка заветное серебряное кольцо. Надел юноше на палец – и серебро отозвалось глубоким мелодичным звоном, словно кто-то ударил в небольшой колокол. Извивы на гербе засветились мягким жемчужным светом.

Парри без сил рухнул обратно на стул. Так и есть. Ну конечно же. Как он сразу не догадался – парень наделён способностью чувствовать и использовать Силу.

Конечно, Парри поступил так только из-за полной безнадёжности – кольцом аколита нельзя было проверять каждого встречного и поперечного. Ищущий учеников для Академии маг обязан был сперва долго приглядываться, присматриваться, осторожно, что называется, «по касательной» прощупывать подающего надежды; кольцо пускали в ход, лишь когда надо было вынести окончательный вердикт. Вместо использованного Академия присылала удачливому в поисках чародею новое; но если силы кольца оказывались растрчены впустую, неприятностей не избежать, и притом достаточно крупных.

Ссылка в дикие места, подобные Северному Клыку, ещё могла рассматриваться как милость.

– Великий Свет, – истово взмолился Парри, – сделай так, чтобы он был пригоден!..

Парень недоумённо следил за действиями старика. Однако влитое в гостя снадобье начало действовать, отяжелевшие веки закрывались; несколько мгновений спустя человек крепко спал. А Парри, забыв о сне и пище, выпотрошив все свои запасы пергамента, стремительно чертил всё новые и новые руны. Он хотел знать всё, но главным образом – способен ли этот странный гость стать учеником. Старика не особенно интересовало ни то, откуда этот человек взялся, ни что ему здесь надо. Представился отличный шанс вырваться из этого ледяного плена; а что там будет дальше – пусть разбираются милорд ректор с деканами. Он, Парри, должен получить позволение переселиться в более благополучные края; о дальнейшем же можно не думать. Как бы там ни было, умирать здесь, в нищете и забвении, на Северном Клыке, старик не хотел.

За окнами не унималась буря. Парри потерял счёт времени, забыл о сне и еде. Обложившись свитками, он чертил, считал и вычислял. Цифры тоже могут оказаться полезными, даже в таком деле, как магия, – и чем дальше скользило перо, тем светлее становилось на душе Парри.

Да, этот мальчишка был магом. Сильным магом, с прекрасными задатками. Академия могла сделать из него хорошего погодника, толкового мастера полей, деятельного строителя, чьи здания не обвалятся и не рухнут, хоть бей в них тараном, и где огонь будет умирать сам, без вмешательства пожарных. И Академии будет совершенно неважно, как и откуда он попал сюда. Этим займутся специалисты, мастера проникновения в неведомое – в то время как сам мальчик станет честно исполнять свой долг... или нечестно, но к Парри это уже никакого отношения иметь не будет.

Но для этого оставалось выяснить ещё кое-что. Мечты Парри были прекрасны, нужно было лишь, чтобы его гость позволил проделать всё это с собой, – а принимая во внимание обстоятельства его появления здесь, уверенным нельзя было быть ни в чём.

И потому Парри потратил несколько часов на вычерчивание умопомрачительно сложной комбинации рун, чего ему не приходилось проделывать с молодости; однако мастер Каллиграф наверняка остался бы доволен своим лучшим учеником, память Парри цепко хранила все потребные сведения.

Когда за окнами наконец забрезжил слабый и робкий свет, Парри уже знал всё, что ему было нужно. Знал – и едва удерживался от того, чтобы не пуститься в пляс.

Он тщательно приготовился к тому моменту, когда его гость проснётся. Все, прошедшие Академию, – хорошие знатоки языков и наречий; они умели объясниться, даже если речь собеседника оказывалась совершенно непонятной.

Наконец парень открыл глаза. Парри не без удовольствия отметил, что взгляд у его гостя совершенно осмысленный, однако, как и положено, несколько растерянный. Наморщив лоб, юноша переводил глаза с ласково улыбающегося Парри на собственную руку и обратно.

– Парри, – сказал старик, прижимая руку к сердцу. – А ты кто? – И он тем же жестом приложил ладонь гостя к его груди.

Тот на миг замешкался, однако быстро сообразил, что от него хотят. Уже открыл рот, чтобы назвать своё имя... и внезапно осекся, словно налетев на всём ходу на незримую преграду. Недоумённо потёр лоб. Помассировал виски. Потряс головой; словом, проделал всё то, что обычно делает человек, внезапно забывший своё собственное имя.

Парри удовлетворённо вздохнул. Он не ошибся, рунная магия не ошиблась, и прав был мастер Каллиграф, предсказывая ему, Парри, большое будущее! Мальчишка побывал под прессом какого-то страшного, навек впечатавшегося в него заклятия; и, если верить рунам, память у ночного гостя сейчас оказывалась очень и очень прореженной. Он не должен был помнить ни себя, ни своего прошлого, ни даже своего имени. Он ничего бы не смог рассказать о том, откуда он взялся здесь, зачем явился и куда направляется. Разумеется, если как следует покопаться в его глубинной памяти, что-нибудь, возможно, и откроется – но эти высокие материи были уже не по плечу скромному магу-каллиграфу. Парень, конечно же, не превратился в младенца, и вызнать кое-что о его прошлом можно, просто понаблюдав за тем, что у него будет получаться

лучше всего. Но это в задачу Парри уже не входило. Сейчас самое главное – научить чужака хоть немного говорить на эбине, широко распространившемся имперском языке, имевшем хождение от Волчьих островов до Огненного архипелага и от Утонувшего Краба до Восточной Стены. Пусть об остальном болит голова у достопочтенных завсегдаев Ордоса. Ему, Парри, нужно просто выбраться отсюда. Тьма, Тьма и ещё раз Тьма, даже если этот парень – сам Разрушитель во плоти, ему, Парри, это всё равно. Он успеет умереть в довольстве, тепле и уюте прежде, чем кошмар Последнего Дня сделается реальностью.

Старик вздохнул, пододвинул поближе к лежанке старый скрипучий стул и протянул вовремя пришедшему гостю миску с горячей похлёбкой. Парень благодарно кивнул, неловко улыбнулся и взял ложку. Парри усмехнулся. Через месяц этот молодчик у него заговорит по-имперски; пусть и не как сенатский ритор, на уровне варвара с мекампского пограничья – на первое время сойдет. А что будет дальше – не его, Парри, забота.

Серебряное кольцо, ставшее внезапно очень тяжёлым, приятно оттягивало карман старика.

* * *

Он шёл безостановочно и без усталости. Казалось, земля сама текла ему под ноги, препятствия и преграды он оставлял позади игрушки. Горы расступались, в непроходимых чащобах внезапно находились тропки, реки послушно подставляли твердые спины бродов. Он покинул Северный Клык в разгар короткого приполярного лета, оставил позади переполненные птицами тундры, перевалил через невысокие восточные отроги Железного Хребта и двинулся дальше, по самой границе Вечного леса и вплотную подступившей тут к нему Великой Степи. Трудно сказать, какие силы извели лес на огромных пространствах, на которых следовало бы простираться дремучей тайге, – однако вместо чащоб и буреломов тут колыхалось целое море невысоких трав, солнце здесь было ещё слишком слабым, чтобы взрастить настоящее степное изобилие. Замекампские варвары сюда заходили редко – охота плохая, добычи мало. Они предпочитали «добывать зипуны», как выразился Парри, на мекампской границе, где легко можно было получить арбалетную стрелу с дозорной башни, но так же легко – при удаче – можно было и обогатиться.

Он не боялся. Старик Парри замучил его советами, как вернее избежать подстерегавших и в степи, и в лесу опасностей; как обмануть бдительность выползающих ночами на степной окоём огров, подстерегающих случайно забредший табун диких онагров, порой уходивших за сотни лиг от обычных своих путей; как укрыться от эльфийского дозора, молчаливого и беспощадного, чьи отравленные стрелы разят без промаха и к чьим ядам ещё никому не удалось подобрать противоядий; как следует разговаривать с тёмными эльфами Нарна, если повезёт встретить их отряд, чтобы они позволили идти с ними; и, наконец, как и с кем надлежит держать себя и вести беседы, когда доберёшься до Мекампа. Он запомнил всё, у него оказалась превосходная память; освобождённый от груза воспоминаний, но не от своих способностей, он впитывал этот мир в себя, как губка.

Ему неожиданно стало легко. Несмотря ни на что, он помнил своё настоящее имя. Четыре буквы, короткое слово, более похожее на кличку для лошади или охотничьего пса, – Фесс. Он помнил, что был воином; помнил, что владел магией, – но здесь, в странном мире, который его обитатели называли Эвиал, от «вместилище жизни» на древнесалладорском языке, праматери всех остальных наречий, его мастерство не действовало. Он помнил – неотступно помнил! – свою цель: вернуться домой. Была и ещё какая-то, вторая, тоже очень важная; но катастрофа стерла её, увы, напрочь.

Как ни странно, он помнил последние мгновения перед тем, как угасло сознание и память, точно худое решето, удержало в себе лишь редкие капли случайно сохранившихся воспоминаний, до которых не смог дотянуться въедливый старик Парри со своей дремучей, но, увы, порой весьма действенной рунической волшбой.

Фесс очень смутно помнил последнюю войну, в которой участвовал. Всплывали очертания каких-то башен, горящие здания, белый снег, на котором столкнулись в жестоком бою закованные в сталь легионы; он помнил лицо человека, кого привык называть Императором, но больше – ничего. Он не смог бы сказать, из-за чего вспыхнула та война и кто в ней победил. Он вполне допускал мысль, что проиграть могла и та сторона, за которую сражался он, Фесс, – иначе зачем бы ему было без памяти бежать так далеко?

Он не забыл и не утратил ничего из того, что составляло когда-то его личность – чему-то в этом мире он радовался, что-то заставляло его негодовать, что-то, как и положено, оставляло равнодушным. Впервые за много лет он мог не прятаться

за личиной, мог быть самим собой, забыв о легендах и прикрытиях. Он понимал, а не помнил, что до катастрофы был скорее всего шпионом, и притом очень хорошим – тренированный глаз сам отмечал удобные пути для войска, места днёвок и ночлегов, водопои для лошадей и прочее; и хорошо, хорошо, хорошо, что Парри до этого так и не смог добраться!..

Пока что Фессу не было особенного дела до того, что творится в этом мире. Однако он знал: чтобы вновь стать человеком, ему надо будет пройти через сумерки бытия – быть может, тогда он вспомнит. Он не сомневался, он знал, что когда-то ему уже пришлось проходить через подобное – на поджаром жилистом теле, отнюдь не столь же молодом, как обманчиво-чистое и свежее лицо, остались шрамы. Когда и при каких обстоятельствах он получил их, Фесс не помнил. Может, и на последней войне, хотя нет, едва ли, слишком старые. «Весь набор, – проворчал Парри, когда разглядел его как следует. – Мечи, сабли, стрелы... копыта... а есть и такие, что я и определить-то не берусь. Ты часом не из Храма ли будешь, парень?..»

Вопрос Парри тогда остался без ответа. Уже много после он сам стал спрашивать своего спасителя, в том числе и про загадочный Храм, однако узнал немного. Есть вроде бы такая община, где-то на юго-востоке, за Салладором, за Восточной Стеной, на полпути в восходные страны; готовят там якобы великих, непобедимых бойцов, над которыми безраздельно властвует некий старец-настоятель. От этих воинов нет ни защиты, ни спасения, они разят и исчезают в ночи, словно призраки; зачастую им удаётся одолеть даже не слишком сложную магическую защиту.

Парри долго ворожил над своим гостем, однако так ничего и не выяснил. Тайна осталась нераскрытой и теперь манила, словно сладкий густой мёд; одна из множества, которые ему предстояло раскрыть.

А пока что Фесс отмерял крепкими ногами лигу за лигой, иногда походя сбивая тупой охоничьей стрелой неосторожную птицу – до сезона большой добычи было ещё далеко, но голод, как известно, – не тётка. Старик Парри при всём желании не мог снабдить своего посланца припасами не то что на весь долгий путь, но и даже до мекампских рубежей.

По левую руку, за бескрайними степными разливами, вставали зори; закаты робко разгорались справа, над чёрными стенами Вечного леса; впереди бы целый мир, и неважно – сейчас неважно, – как именно он сюда попал; в свой

черёд он найдёт ответы на все вопросы. Он был одинок, силен и свободен; ничто не стояло между ним и его желаниями; он знал, что хорошо владеет оружием и, не колеблясь, пустит его в ход.

Такие люди, как правило, становятся либо героями, либо преступниками.

Откуда-то в памяти всплывали стихотворные строчки – на чужом языке неведомых стран, откуда его выдернула, бросив на бесплодный Северный Клык, во мрак и стужу подходившей к концу полярной ночи столь же неведомая сила.

В оный день он найдёт тех, кто сделал это, и они заплатят ему. Не окажись он подле башни старика Парри, ему настал бы конец – нагота не слишком подходящий наряд для прогулок по северной тундре.

После мекампской границы ему следовало повернуть на запад. Примерно неделя пути по хорошим дорогам королевства – и он достигнет побережья Моря Призраков. В Мекампе начинается множество морских путей, ему не составит труда найти корабль, идущий в Ордос. Капитаны не берут платы с направляющихся в Академию с Кольцом ученика. Корабль пройдёт мимо берегов Эгеста и Аркина, минует богатые приморские равнины империи Эбин, обогнёт небольшой полуостров Изгиба, и глазам моряков откроются портовые башни Ордоса, золочёные, сверкающие, словно огни маяков. Их островерхие крыши укажут путь среди мелей и рифов, явно не случайно появившихся здесь уже после того, как город отошёл Академии Высокого Волшебства.

А потом всё устроится самым наилучшим образом.

* * *

Он, конечно, догадывался, что донесение Парри будет внимательнейшим образом изучено. Но, разумеется, он не мог слышать тех слов, что звучали в торжественном и несколько мрачноватом зале Конклава Академии.

– Я теряюсь в догадках, милорды. Мы засекли мощный всплеск, мощное возмущение Силы, но не можем пока связать или хоть как-то проассоциировать это с тем или иным действующим началом, с тем или иным артефактом, сообществом колдунов или магическим орденом. Вы что-то хотите сказать,

мастер Нэами?

– Да, милорд ректор. Милорды, почему здесь столь упорно отвергается мысль о том, что мы столкнулись наконец с пробудившимся Храмом? Почему мы ищем столь экзотические объяснения – мэтр Фалеа с кафедры Иномирья, как известно, предположил, что Академия имеет дело с пришельцем из иного мира, – и отвергаем простые, куда более вероятные объяснения? Разве тот же мэтр Фалеа – да и вы, милорд Эсона, – разве вы не доказали изолированность, магическую замкнутость нашего мира, нашей реальности?..

– Милорд ректор, разрешите мне!..

– Прошу вас, милорд Эсона.

– Мастер Нэами, милорды деканы, мой факультет Мегамира, как известно, давно разрабатывал сугубо условную модель множественности магических реальностей. Как известно, мэтр Фалеа сделал предположение, что появившийся на Северном Клыке человек каким-то образом преодолел порог...

– Который, как известно, носит имя Эсона – Фалеа, милорд декан...

– Благодарю вас, милорд ректор... Каким-то образом преодолел порог, сам будучи Извне. Вы хорошо понимаете, милорды, весь глобальный характер такого открытия, если только это будет подтверждено. Несмотря на то что имеющиеся данные в корне противоречат всем нашим расчётам и теориям, я бы всё-таки не стал сбрасывать со счетов это предположение, сколь бы невероятным оно вам ни казалось.

– Но почему?! Только оттого, что мы пока не нашли источника в пределах нашего мира?!

– Да, милорд Нэами. До тех пор, пока источник не найден, я предлагаю придерживаться этой точки зрения. Она слаба, она уязвима для критики – однако ничего лучшего пока не предложено. В этой связи я думаю, что наилучшим способом было бы принять данного субъекта к нам в Академию, выяснить его силы и способности... негласными мерами, разумеется.

– Милорд ректор!

– Прошу, вам слово, милорд Кевиа.

– Мне кажется, надо запросить хронистов. Кафедра архивистики, если мне не изменяет память, хвасталась, что способна найти прецедент к любому событию, и, мне кажется, сейчас самое время им показать, на что они способны. Особое внимание, я считаю, следует уделить пророчествам Властелина...

– Тише, тише, милорды! У нас как-никак Конклав, а не рыбный базар!.. Милорд Кевиа, вы считаете...

– Простите, что перебиваю, милорд ректор, но, мне кажется, обстоятельства появления этого существа заставляют вспомнить самые древние Анналы Тьмы. Да, да, милорды, я понимаю, почему вы молчите. Это именно то, существование чего мы дружно отрицали вслух, а про себя думали – хорошо бы это случилось не при нас. Так вот, мне кажется, пора посмотреть правде в глаза. Тьма проснулась и идёт на нас.

Глава первая

Академия высокого волшебства

Если пройти насквозь всю славную Империю Эбин, оставить по левую руку невысокие, заросшие непроходимыми вечнозелёными лесами Козьи горы и миновать мелкие герцогства Изгиба, их благодатные оливковые рощи, ухоженные поля, лишь изредка перемежающиеся прозрачными кипарисовыми рощами, то по истечении шести дней пути от южной имперской границы, когда дорога сменит направление с полуденного на закатное, взору странника явится преудивительное зрелище.

С севера на юг, пересекая узкий здесь полуостров, тянется полоса высаженных в строгом порядке эвкалиптов. Громадным деревьям уже минуло никак не меньше тысячи лет, однако старости они не подвластны, их ветви с годами лишь поднимаются ещё выше к жаркому в этих краях солнцу. Но не эта полоса

деревьев заставит странника, кем бы он ни был – грубым наёмником, набожным монахом, многоумным книжником или утончённым аристократом, – замереть от изумления и восторга, смешанного с некоторым страхом.

Сразу же за живой эвкалиптовой стеной поднимается другая, в десять человеческих ростов, стена, сотканная из разноцветного, искристого, прозрачного пламени, многоликого, постоянно меняющего и цвета и формы, оборачивающегося то хлопьями пышащих жаром снежинок, то упругими слитными вихрями, то сполохами алых пятен на голубом фоне, то россыпью полевых цветов или же иным узором, какой благоугодно будет принять этой магической преграде. Собственно, никакого вреда никому это пламя не принесло – единственная дорога, что вела к Академии, проходила через исполинские, пламенем же и образованные арчатые ворота, и любой мог пройти невозбранно, лишь уплатив небольшую пошлину за право взглянуть на имевшиеся тут в изобилии чудеса, – однако за долгие века отчего-то никто не осмелился пройти сквозь это пламя, несмотря на то что, если даже сунуть в него пук соломы, он ни за что не вспыхнет, скорее отвалится держащая его рука.

Если же чинно-благородно направиться во владения чародеев открытым для всех путём, то, внося свою пеню серебром, путник меньше чем за день добрался бы до того самого знаменитого Ордоса, города магов и волшебников, замершего на самом краю полуострова, на его крайней западной точке, на врезавшемся в пенное тело Моря Надежд чёрном каменном клинке коренной матёрой скалы, неведомо какими силами подъятой из недр в забытые времена самым первым Магом, да, да, именно тем, чьё имя запрещено поминать всуе. Он один тогда принял благословение от Спасителя, склонился перед ним и признал его Божественность. Почему и выжил, в то время как остальных, безбожных волхователей и чаровниц, Спаситель навеки проклял, плюнув под нечестивые ноги их, не достойные даже касаться плоти матери-Земли. И после того проклятия безбожных и не стало – хотя все последующие поколения магов слыли вольнодумцами, чуть ли не еретиками; теократы Аркина, земли, где очеловечился Спаситель и где с того времени Его именем правили Архипрелаты – теократы Аркина и Святая Инквизиция, давно уже точили на магов зубы, но сделать ничего не могли: без магов и чародеев человек едва ли смог бы выжить в том негостеприимном мире, куда Спасителю угодно было поместить возлюбленных чад своих, дабы они раскаялись в первородном грехе пращуров. Когда же все, все как один раскаются и отрекутся от зла в сердцах своих, обещал Спаситель явиться вновь и забрать своих детей в иной, куда более благодатный мир, где они и будут пребывать вечно, не зная ни трудов, ни болезней, ни смерти.

Город Ордос воздвигся на голой скале, так что первопоселенцам приходилось даже воду таскать на собственных спинах из расположенных далеко внизу источников; однако потом за дело взялась магия, и всё вокруг изменилось – как и положено, по волшебству. Из чёрной непроницаемой скалы забили ключи, на бесплодных камнях расцвели невиданные деревья, вознеслись прихотливые особняки и башенки, зазеленели парки; однако в самом центре Ордоса его хозяева оставили широкую площадь. Здесь, не тронутая ни заступами строителей, ни посохом волшебника, по-прежнему гордо и угрюмо чернела та самая изначальная плоть скалы, на которой и воздвигся в своё время город, чёрная плоть, почти повсеместно исчезнувшая под зеленью садов, изящными мозаиками мраморных мостовых и, разумеется, роскошными дворцами.

Чёрный цвет древней скалы, помимо прочего, служил и вечным напоминанием молодым ученикам, подмастерьям и даже мастерам, что первичной субстанцией этого грешного, тварного мира была Тьма, вечная, неизменная, неистребимая и враждебная всем тем, кто дерзает потревожить Её покой. Никогда об этом не должен забывать ни один из носящих жезл Ученика, короткий посох Подмастерья или же полноразмерный – Мага.

На чёрной площади не устраивалось ни шумных торжищ, ни торжеств – люди обходили её стороной, и даже чародеи, даже профессора и приват-доценты Академии во всякое время года пользовались иными путями. На саму площадь выходил парадный фасад главного корпуса Академии, высокая трёхстворчатая арка входа с вечно запертыми железными воротами, изукрашенными причудливой чеканкой и литыми барельефами; ворота эти открывались только один раз в году, в первый день месяца сентября, когда наступал День учеников.

* * *

Ордос готовился к нему загодя. Готовились содержатели постоянных дворов, таверен, трактиров и «красных фонарей» и вообще весь торгующий люд города негоциантов, где, помимо магов, свили гнёзда многочисленные и тороватые купеческие гильдии, составившие богатства на торговле с дальними островами вроде Волчьих, что у самой границы вечных льдов. Крутобокие мореходные каравеллы купцов хаживали и далеко на полдень – за Врата Кинта, за Огненный архипелаг, через Великое Полуденное Море, к Студёным Землям на крайнем юге; плавали на восток, вдоль цветущих берегов Харра за Восточной Стеной, достигая сказочных земель Синь-И; и только на запад, за небольшой в сравнении

с Правой илевой Клешнями остров самого Утонувшего Краба путь негоциантам был заказан. И не потому, что там жили какие-нибудь свирепые боги или там чудовища – чудовища как раз обитали здесь, под самым боком, на давно обжитых землях – на западе обосновалась сама Смерть, и туда уходили только в одно-единственное плавание. То, что неизменно становилось последним. Но об этом в относительно благополучных землях вокруг Моря Надежд предпочитали не вспоминать. Все люди, в конце концов, смертны...

И, случалось, в ордосском порту все корабли внезапно приспускали флаги, а все до единого портовые кабаки неожиданно оказывались запертыми. Молчаливые моряки выстраивались на палубах, хотя ни капитаны, ни боцманы не отдавали им такой команды. Взгляды сотен людей провожали потрёпанный, невзрачного вида кораблик, на палубе у штурвала которого, как правило, стояла одна-единственная фигура. Капитаны редко доживают до старости. Но, даже дожив, они далеко не всегда стремятся умереть в собственной постели. Зачастую бывалый морской волк, безошибочно чувствуя приближение, сам прощался с семьёй, покупал какую-нибудь небольшую посудинку, ставил парус, поднимал на мачте белоснежный, без каких-либо знаков и символов, флаг – после чего брал курс на запад. Иногда вместе с ним на шканцы всходила жена.

Назад никто никогда не возвращался.

Путь кораблика под белым флагом лежал на закат, через Море Надежд, мимо берегов Семиградья, мимо известного всем до единого мореходам маяка на северной оконечности Кинта Дальнего, Змеиного острова, и дальше, через открытые пространства Моря Клешной, сквозь тамошние вечные бури – к Утонувшему Крабу, полюбоваться с борта на его удивительные сады и дворцы – иноземцы на берег не допускались, – и ещё дальше, дальше, в неведомое Море Тьмы, не имевшее ни границ, ни пределов. Никто никогда так и не смог обогнуть мир, совершить кругосветное путешествие, хотя учёные звездочеты давно уже вычислили, что мир имеет форму громадного шара. На крайнем севере путь кораблям преграждали льды. На крайнем юге творилось то же самое.

Однако непохоже, чтобы это хоть в малейшей степени заботило бы Академию Высокого Волшебства. Маги имели свои собственные пути, недоступные не только простым смертным, но даже и надменным Тёмным эльфам Нарна. И занимались маги прежде всего своими собственными делами. В такой день, как первое сентября, они набирали себе учеников.

Те, кто рвался переступить заветный порог Академии, с раннего утра собрались на чёрном камне заветной площади. Около трёх сотен человек, совсем юных безусых мальчишек и девчонок с едва обозначившейся грудью – до тёртых, битых жизнью седовласых мужиков и почтенных матрон, за юбки которых цеплялись зачастую не то что дети, а даже и внуки.

Они съехались со всех концов земли: с равнин Мекампа, от острых пиков Железного Хребта, из непроницаемых теней Вечного леса, с привольных побережий Моря Призраков, что никак не оправдывало своё столь зловещее прозвание; сыновья и дочери королей и герцогов, князей и дружинников, ремесленников и купцов, пахарей и мореходов.

Разумеется, сюда пришли не просто так, от одного лишь явившегося желания сделаться могущественным чародеем или волшебницей. Надо было иметь способности; и немало магов, живших по берегам Моря Надежд, в Семиградье, Кинте или, скажем, в Империи Эбин, занималось как раз поиском среди всего множества обитателей Старого Света тех, что способны были уловить незримую и неслышимую пульсацию Великих Сил, пронзающих тварную плоть этого мира. С вожделенными Кольцами учеников счастливчики отправлялись в Ордос... с тем чтобы остаться там или же, понурив голову, вернуться назад. Справедливости ради следует заметить, что Академия всё-таки принимала большинство явившихся. Отсеивалась едва ли треть.

Здесь, на чёрном Изначальном Камне древней скалы, на какое-то время отменялись сословные и даже родовые различия. Тёмный эльф из дремучих болотистых лесов северного Нарна мог вполне мирно беседовать с гномом-рудокопом Железных гор, хотя на границе своих владений эти народы то и дело пускали друг другу кровь. Приписной пахарь Империи мог запанибрата хлопнуть по плечу надменного эбинского аристократа. Темнокожие обитатели Салладора, земли природных магов и колдунов, заводили беседу с трапперами Змеиных лесов Ближнего Кинта – опять же несмотря на то, что салладорцы издавна считали себя отмеченной Древними Богами расой, почитая всех остальных достойными лишь рабской доли.

Толпа собралась на площади Чёрного камня задолго до рассвета. С первым лучом солнца белые ворота Академии распахнутся, появится торжественная процессия – маги и чародеи, адъюнкты, приват-доценты, профессора, деканы; по традиции замкнёт процессию ректор. Занимавший эту должность почитался остальным Старым Светом как сильнейший маг этого мира – исключая старуху-

Смерть, разумеется.

Свято соблюдая обряд, люди на площади говорили о чём угодно, но не о предстоящих испытаниях и, для тех, кому повезёт, – Выборе. Обсуждались погоды и урожаи, военные новости: Кинт опять сцепился с полудикими Древними из Змеиных лесов, салладорцы отправили очередную карательную экспедицию за Восточную Стену, мстя обитателям пустыни за набег; теократы Аркина пригрозили войной независимым баронствам Эгеста, если баронам опять вздумается наложить лапу на церковные земли и десятину, а равным образом помешать Святой Инквизиции должным образом исполнять свои обязанности по искоренению греха; Светлые эльфы, жители Вечного леса, по слухам, в который уже раз поссорились с Тёмными эльфами Нарна, и дело, говорили, уже дошло до крови.

Толпа мало-помалу разбивалась на группки. Кое-кто искал земляков или – неосознанно – ровню по рождению; кто-то, напротив, опьянённый царившим на площади равенством или, на худой конец, неплохой его имитацией, рвался поглазеть и поболтать с теми, о ком он раньше мог слышать только страшные сказки; однако среди пришедших на площадь нашёлся один, кому всё происходящее казалось совершенно безразличным.

Высокий седой парень с худым, обветренным и бесстрастным лицом молча стоял, завернувшись в плащ и опершись на простой сосновый посох, сделанный из ошкуренной прямой ветви. На парне был плащ явно с чужого плеча, старые стоптанные сапоги и простые холщовые порты. Оружия при нём не было – хозяева Ордоса строго следили за тем, чтобы даже особы королевской крови являлись на площадь Чёрного камня без своих излюбленных игрушек.

На безымянном пальце левой руки парня тускло поблёскивало серебряное кольцо старого мага Парри.

Юноша бесстрастно ждал. Так умеют ждать только привычные ко всему степняки-номады; правда, сам парень на кочевника нимало не походил. Те – невысокие, коренастые, широкоплечие; юноша же был хоть и высок, но строен, даже тонок; правда, ни у кого не повернулся бы язык назвать его «слабаком»: чем-то неуловимым он напоминал длинную смертоносную рапиру, от которой не спасёт никакая кольчуга. На него косились; но никто так и не подошёл

заговорить.

Церемония, как и положено, началась с рассветом. За высокой стеной Академии нежно и певуче зазвучал горн. Ему отозвались трубы, и в такт нарастающей мелодии над зубцами стены начало разгораться многоцветное зарево. Люди на площади замерли; густая толпа в примыкающих переулках разразилась воплями восторга – несмотря на то что церемония проходила каждый год, маги ещё ни разу не повторились, ни в цветовой гамме, ни в торжественной мелодии.

Белые ворота распахнулись. Однако, против ожиданий, из них вышла не торжественная процессия, а с десяток одетых в ослепительно белые одежды мальчишек. На шее у каждого висел обширный, открытый сверху короб. Каждый пришедший на площадь запускал в короб руку, вытаскивая оттуда небольшой, с пол-ладони, шарик – алого, голубого, перламутрового и вообще всех цветов, какие только можно себе представить. И, едва шарик оказывался в чьей-то ладони, на гладком блестящем боку его тотчас проступало имя человека, которому этот шарик достался.

Седой парень в свой черёд тоже запустил руку в короб. Парри во всех подробностях рассказывал ему о церемонии – каждый неофит должен был отдать свой шарик декану того факультета, где хотел бы учиться. Однако в этом состояла только половина выбора – второй занимались сами деканы или, точнее, созданное ими магическое устройство каким-то образом само распределяло новых аколитов по факультетам, согласно с их достоинствами и даром. И только если выбор ученика совпадал с выбором Академии, неофит мог переступить заветный порог. Как правило, выбор этот совпадал – собственно говоря, та отсеивающаяся треть как раз и состояла из людей, у кого выборы не совпали, что означало – сама Великая Сила против их обучения.

Юноша с кольцом старого Парри на пальце взглянул на доставшийся ему шарик и, несмотря на всё своё бесстрашие, удивлённо поднял брови. Шарик на его ладони оказался каким-то блеклым, белёсым, с грязно-серыми разводами – словом, совершенно не походил на доставшиеся другим на площади. И ещё – на нём не было имени. Никакого. Ни того самого, настоящего, едва не забытого – Фесс, ни данного старым Парри прозвища – Неясыть, по имени громадной белой совы, грозы пернатых обитателей Северного Клыка.

Юноша молча повертел шарик в пальцах и, недолго думая, сунул в карман портов. Ну вытащил такой вот странный, что же тут такого? Правда, другим

попадались всё больше шарики ласковых и тёплых цветов, от спелой ржи до небесной голубизны; редко где мелькали искры алого или ярко-оранжевого; так же мало попадалось тёмно-синих или фиолетовых. Чёрных и вовсе не было видно.

Спрятав шарик, Фесс – или, вернее, Неясыть, потому что от старого Фесса в нём осталось не так уж много – вновь застыл, точно изваяние, – это его умение ставило в тупик ещё старика Парри. Замерев, не мигая и, похоже, даже не дыша, юноша мог стоять часами, и понять, что он живой, возможно было, только коснувшись его руки, тёплой, а не заледеневшей, как у мертвеца.

Неясыть умел ждать. Правда, он и сам не знал, где и как он этому научился.

Но сейчас – дело особое. Он должен пройти за эти белые ворота. И узнать во всех подробностях, кто он такой и откуда взялся. Одного только имени да слабого призрака прошлого – некоей благословенной Долины – ему было мало. Если он оттуда родом, то он хочет вернуться домой. Если нет – узнать, почему уцелели только эти воспоминания. Ещё Неясыть хотел знать, отчего умеет то, что умеет, и кем он был в своей прошлой, начисто отрезанной жизни. Трёх коротких слов – воин, маг, шпион – было недостаточно. Это он знал и так. Он знал, что способен был сплести заклятие не хуже заправского волшебника, но это умение потерялось, пропало в катастрофе – значит, нужно учиться магии заново. Сила, по утверждению всё того же Парри, у него была, научить управлять ею могли только здесь – значит, так тому и быть.

Неясыть не думал о том, что, возможно, Академия не единственное место, где можно выучиться магии. Старый Парри спас ему жизнь, выходил, кормил, отрывая от себя скудный кусок, учил языку – так зачем ему было обманывать?

Фесс без колебаний отбросил все посторонние мысли и молча продолжал ждать.

Наконец за белыми стенами вновь заиграли горны.

По широким ступеням первым вниз двинулся клир той церкви, что находилась в Академии, – диаконы, настоятель, певчие; следом, за слугами Спасителя, неторопливо, соблюдая достоинство, шли наставники и профессора. Замыкали шествие деканы факультетов – солидные, бородатые, осанистые, они не шли, а шествовали, опираясь на длинные резные посохи, изукрашенные самоцветами,

жемчугами и перламутром. Неясыть знал их всех по именам, знал, какой факультет кто возглавляет, – Парри постарался. Невольно Неясыть вспомнил их разговор, один из последних, уже перед самым своим уходом. Парри тоже собирался покинуть надоевшую ему башню, он получил свою награду, разрешение поселиться в Семиградье и немалую сумму в золоте; теперь ему оставалось только дожидаться сменщика.

«Всего факультетов двенадцать, – неспешно говорил Парри, прихлёбывая пустой кипяток – заправить его было уже нечем, в кладовой осталось только немного муки. – Первый, самый древний – общего волшебства. Через него проходят все студиозусы, кроме... ну, ты это и сам узнаешь. Второй, третий, четвёртый и пятый – само собой, стихийное волшебство: Огонь, Вода, Воздух и Земля. Тут уже начинается специализация. Невозможно в равной степени владеть магиями огня и воды или ветра и земли. Запомни, Неясыть, две великие пары: огонь с воздухом, а вода с землёй. Так... Ну, потом начинается уже разброд. Был когда-то шестым факультет каллиграфии, гм-м-м, да, да... был, да теперь нет. Ныне шестыми у нас идут алхимики. Вот ведь тоже мне, и магами-то их назвать можно с изрядной натяжкой, а туда же, силу обрели, сразу за стихиями встали... Седьмой факультет – святые отцы. Они в своей области тоже доки, не смотри, что монахи, магия Спасителя вельми велика, вельми... Восьмыми у нас те, кто занят всяческой Нелюдью – ну, ты сам понимаешь, эльфы там, простые или тёмные, гномы разные, тролли, огры, орки, великаны горные и снежные, гоблины, кобольды... Там же и всяческие чудища – ну, фениксы там разные, левиафаны, драконы, козероги, морские змеи, грифоны, сфинксы... Много их стало в последнее время, того и гляди отделятся, свой факультет создадут, тринадцатый... Девятый факультет – древняя магия. Обереги, амулеты и прочее. И каллиграфия теперь там же... – Парри прервал свою речь и вздохнул. – Десятый – космологи, теологи и прочие... „глобалисты“, как они себя называют. Тьфу, позор и поношение, мальчишки сопливые, а туда же – факультет теперь! Ну, а одиннадцатый – люди почтенные и солидные. Лекари. Всякий маг, Неясыть, он ведь если где среди людей-то живёт, так зачастую и лечит, и роды принимает. Народ со всякой своей бедой к чародею идёт. Так что нам все хвори надо назубок знать. На том же факультете злаки полезные да скот лечить научат. Вот так вот...»

«А что же двенадцатый факультет, почтенный Парри?» – спросил тогда Неясыть.

«Двенадцатый... – проворчал старик. – Ничего я никогда не понимал в этом двенадцатом. И как он возник, не слишком-то понял, ещё когда учился и нам это

объясняли... Вообще-то не двенадцатым бы ему именоваться, а вторым, потому что возник сразу же за Общим Волшебством. Это, парень, факультет Тьмы. Факультет малефицистики, сиречь злоделания. Эвон оно как, Неясыть. Много про этот факультет и его декана толков ходило, да только ректорат – он же Белый Совет – все толки, что, мол, хорошо бы декана того – да на осину, да пятью колами проткнуть, а кости потом конями растягать, – Белый Совет все эти толки под корень. Равновесие, видишь ли, нарушать нельзя!» И Парри пренебрежительно фыркнул.

Неясыть потянулся, приподнялся на носки, норовя рассмотреть деканов. Один, два, три... восемь... десять, одиннадцать. Одиннадцать! Выходит, отстал от жизни старик Парри, нет больше никакого факультета Тьмы? Отчего-то Неясыть вдруг ощутил что-то вроде разочарования.

* * *

– Нет, нет, и не проси, Анэто. Не пойду никуда. Сколько можно себя на посмешище выставлять? Пусть вы даже и победители – разве так обращаются с побеждёнными? В честном бою?

– Если б ты и впрямь был побеждённым, я б с тобой вообще не разговаривал. Не нарушай обряда, выйди к народу.

– На посмешище!.. Хватит, навыходился! Делай со мной что хочешь, ректор Анэто, больше я тебе подчиняться не стану! Хочешь заточить – заточи, хочешь убить – убивай, всё лучше, чем насмешки ваши терпеть, Белые!

– Ты всего лишь ошибся в выборе цвета, – невозмутимо заметил тот, кого называли Анэто. – За ошибки нужно платить. И, согласись, что бы там ни утверждал достопочтенный Эвенгар Салладорский, бытие лучше небытия, куда отправились слишком уж ретивые его и твои соратники. Не глупи и выходи на площадь. Я не скрываю своих симпатий и антипатий, декан, но выйти ты обязан. Вспомни договор. Ты его подписал. Ты дал слово.

– Зачем тебе этот фарс, Анэто? – устало сказал собеседник ректора. – Ты упрямо именуешь меня «деканом», но что я за декан без факультета? Без студюзусов?

– Таков был договор, – последовал невозмутимый ответ. – Я не виноват, что к тебе никто не идёт. За все эти годы...

– Ну да, никто, никто не отдал мне своего шара, – проворчал декан. – Так никто и не отдаст!

– Пока дышу – надеюсь, разве не так? Ну, не нарушай клятвы, не надо, дурное это дело, декан. Примирись с судьбой. Выйди, постой, потом вернёшься обратно. Смотри, все уже на площади! Сейчас народ взволнуется – почему это и деканы все на площади, и проректоры – а нас с тобой нет?..

– Будь ты неладен, Анэто, – тяжело вздохнул говоривший с ректором. – Ладно, ступай вперёд, я следом...

* * *

«Одиннадцать, а вовсе не двенадцать, – продолжал думать Неясыть, разглядывая вальяжных магов. – Что мне этот Парри наплёл?..»

Как раз в этот миг горны смолкли и наступила тишина. Неожиданно на всей площади из-под белой арки гулко отозвались шаги – шествовал кто-то тяжёлый, мощный, шествовал медленно и торжественно. Люди замерли, вставая на цыпочки и стараясь как можно лучше разглядеть идущего.

Неясыть увидел высокую, на целую голову выше его самого, фигуру, до самых пят облачённую в чёрное. Каждый шаг сопровождался странным клацающим звуком, словно на ногах у идущего имелись самые настоящие когти. Глубокий капюшон скрывал лицо, виден был лишь подбородок – но при этом подбородок явно нечеловеческий, покрытый тёмно-коричневой чешуёй. Руки – по крайней мере на первый взгляд – ничем, кроме размера, не отличались от людских, правда, загадочный декан носил на них грубые кожаные перчатки с раструбами, несмотря на тёплый осенний день; человек – или существо – шагал, опираясь на длинный посох, опять же чёрный; наверху было украшено головой разинувшего пасть дракона, чьи глаза горели рубиновым огнём.

Декан встал отдельно от всех, оперся на посох и равнодушно опустил голову. Казалось, ему нет никакого дела до происходящего на площади.

Тем временем герольд начал громко выкрикивать названия факультетов, перечисляя кафедры; правда, имён деканов при этом вслух не произносилось.

Неясыть слушал вполуха. Ему это было неинтересно, он во все глаза смотрел на фигуру в чёрном. Зоркий парень даже с немалого расстояния сумел рассмотреть потёртости и кое-как поставленные заплатки на чёрном плаще, неловко приделанную перемычку на некогда треснувшее древко посоха, выкрошившийся перламутр зубов дракона...

...Факультет малефицистики герольд объявил последним, поименовав кафедры оборотничества, сиречь ликанотропии, некромантии, вампиризма, ведовства ядовитого и каких-то непонятных Чёрных Бездн.

На этом представление Академии закончилось. Из молчаливого строя магов вышел невысокий, стройный человечек в элегантном бирюзовом плаще с переливами. В руке он держал мощный белый посох, почти что боевой шест, увенчанный сверкающим адамантом.

– Ректор, ректор... – зашелестели голоса вокруг Неясыти.

– Ученики мои!.. Да, да, именно так обращаюсь я к вам, хотя ни один из вас ещё не может перешагнуть порога нашей благословенной Академии, – зазвучал над площадью неожиданно сильный, хорошо поставленный голос. – Сила призвала вас, и вы пришли на зов. Вы пришли, чтобы совершить выбор и, пройдя тяжкие испытания учением, стать теми, кто помогает людям, не делая различий между лордом и простолюдином, истинно верующим или язычником, коему ещё предстоит постичь всю благодать Истинной Веры. Вы пришли сюда, потому что понимаете – подобно тому, как нуждается в огранке драгоценный камень, так и ваши таланты, никем не подвергаемые сомнению, подлежат такой же обработке. Не сомневаюсь, ученики мои, на этой площади есть люди, что и так умеют вызвать дождь или отогнать непрошеную градовую тучу от виноградников, есть те, что разведут костёр в любую погоду или даже смогут заставить уняться небольшой пожар. Всё это так. Магия – великий дар богов, тех Древних Богов, благодать коих признавал и Спаситель, да святится имя Его во веки веков!.. – Площадь ответила согласным негромким выдохом. Ректор сделал паузу и продолжал, обведя взглядом склонившиеся головы: – Не стану утомлять вас долгими речами, ученики мои. Меня вы ещё успеете послушаться. – Он позволил себе улыбку, и площадь с готовностью хохотнула. – Последуйте

велению ваших сердец. Приблизьтесь к деканам тех факультетов, студентами которых вы хотели бы стать. Отдайте им шары с вашими именами. И мы узнаем, совпал ли ваш выбор с выбором Силы. Как всегда, я молю Спасителя, чтобы никто не ушёл с этой площади в слезах и отчаянии. Приступайте же, ученики мои, и не торопитесь! Никто не уйдёт с площади прежде, чем последний ученик отдаст свой шар. Не бойтесь, что на избранном вами факультете до вас окажется слишком много студентов и вам поэтому откажут. Не толпитесь, не толкайтесь, чинно и мирно, как и положено ученикам, подходите к вашим деканам!

Ректор поклонился толпе и аккуратно ступил назад. Люди на площади немедленно взволновались, мимо Неясыти замелькали бока и спины устремившихся вперед самых нетерпеливых; Неясыть же даже не пошевелился. Взор его медленно двигался по цепочке магов; он видел, как первые шары перешли из потных от волнения ладоней аколитов в холёные руки деканов и – о чудо! – шары начали медленно подниматься над головами волшебников, повисая в воздухе, плавно вращаясь и посверкивая в лучах утреннего солнца. Толпа зевая вновь разразилась аплодисментами.

Неясыть знал, что сейчас ещё ничего не решается. Лишь когда оживёт чудовищная машина магов, машина, питающаяся волшебством, и начнётся проверка выбора – вот тогда и придёт пора волноваться.

Сделавшие своё дело ученики отходили в стороны, толпа как-то сама собой отхлынула назад, прижимаясь к стенам домов. Вокруг Фесса, что по-прежнему крутил в руках свой шарик, образовалось пустое пространство.

– Сын мой, ты в замешательстве? – ласково окликнул парня кто-то из деканов. – Следуй своему сердцу! Не раздумывай долго, не пытайся угадать!

– Ладно, – проворчал Неясыть себе под нос. И медленно пошёл вперёд.

– Смотри, как идёт, – шепнул мастер огня мастеру Алхимику. – Точно стелется.

– Думаешь, он из Храма? – так же шёпотом ответил Алхимик, маленький и скрюченный, с многочисленными кислотными ожогами на руках.

– Едва ли. Его нашёл Парри с Северного Клыка, паренёк явно заслан сюда магическим образом, но почему и зачем... Послушай, ты что, не был ни на Конклаве, ни на последнем Совете?

Алхимик смущённо потупился.

– Ты и так знаешь, что меня там не было, зачем переспрашиваешь? Я слышал, что мальчишку решили взять, потому что Закон ученичества нерушим, слышал, что с ним приключилась какая-то странная история – вроде бы он памяти лишился...

– Лишился! – Мастер огня хмыкнул. – Лишиться-то он её лишился, да только уж больно как-то странно. Не утрачен ни один из базовых навыков, не утрачено понимание структуры общества, не утрачено... да проще сказать, что не помнит он только себя – откуда он, где родился и как попал сюда. Что-то мне это не слишком нравится, Алхимик. Ты что же, так и не удосужился прочесть мнение Кевиа?

Маленький декан презрительно фыркнул.

– Никогда не считал себя обязанным знакомиться с мнением этого напыщенного ничтожества!

– А зря, Алхимик. Он говорил дело. Он предположил, что мы имеем дело с Тьмой.

Алхимик вздрогнул, однако тотчас же овладел собой.

– Этот святоша всегда был горазд всех запугивать, – ворчливо бросил он. – У страха, как известно, глаза велики.

– Хорошо бы это было так, Алхимик.

– Лучше всего, конечно, было б этому парню отказать, – задумчиво проворчал маленький декан. – Установить слежку, и...

– Ну разумеется! – Огневик раздражённо поморщился. – Ты считаешь и Совет, и Конклав полными тупицами? Разумеется, это было б наилучшим решением.

Ждать, не допускать до магии... Кто знает! Но бедняга Парри так рвался прочь со своего Клыка... что несколько поторопился.

Их разговор невольно прервался. Неясыть оказался возле выстроившихся в ряд деканов.

– Бьюсь об заклад, достанется он тебе, – шепнул коллеге Алхимик. – Глазищи эвон какие бешеные.

– Погоди, – так же шёпотом ответил мастер огня. – Может, ещё и...

Он осёкся. Потому что Неясыть, миновав спокойным, плавным шагом всех одиннадцать деканов, остановился лишь возле двенадцатого. Облаченного с головы до ног в чёрное и с чёрным посохом в руке.

Шеренга разодетых в яркие и праздничные цвета деканов замерла. Алхимик и Огневик выпучили глаза, глядя, как парень медленно протянул руку и его шар, донельзя странный шар, без определённого цвета и имени, неторопливо воспарил над головой облачённого в чёрный плащ волшебника.

Фигура с посохом пошатнулась. Дрогнувшая рука в чёрной перчатке поднялась.

– Посмотри на меня хорошенько, сынок, – прогудел низкий голос. – Посмотри на меня хорошенько, прежде чем принимать решение! Посмотри – и я верну тебе твой шар!..

Длинные скрюченные пальцы резким движением сорвали капюшон – и по площади прокатился тяжкий вздох, и притом отнюдь не облегчения, а застарелой, подсердечной ненависти.

Несомненно, перед Фессом стоял не человек. Высокий заострённый череп, совершенно голый, покрытый коричневатой чешуёй, чем-то напоминавшей змеиную; глубоко посаженные жёлтые глаза обрамлены были какой-то мягкой бахромой, чем-то вроде крошечных щупалец. Подбородок сильно выдавался вперёд, однако зубы в безгубом тонком рту, как раз напротив, были очень сходны с людскими. Безбровое лицо, казалось, не имело возраста – ни морщин, ни отвисшей кожи, ни иных следов прожитых лет.

Жёлтые глаза вбуравились в лицо Неясыти.

– Иди, иди своей дорогой, мальчик, – прогудело существо. – Будем считать, что ты просто...

– Я не ошибаюсь, – негромко, но твёрдо ответил Неясыть. – Возьми мой шар.

С этими словами он повернулся спиной к волшебнику в чёрном и мерным, спокойным шагом двинулся к краю площади.

Никто из деканов не шелохнулся. А чародей с чёрным посохом отчего-то низко склонил голову, глядя себе под ноги; казалось, он просто в отчаянии.

Некоторое время на площади царила страшная тишина. Люди отшатнулись от Неясыти, словно от зачумлённого; на пятьдесят шагов вокруг него не осталось ни одного человека.

– Отдал свой шар Тёмному!.. Хочет присягнуть Тьме!.. Да полноте, человек ли это?!.. – донеслось до его слуха.

Наступила томительная пауза. Надо отдать должное магам Академии – своей растерянности они не выказали ничем. Ну отдал один из неофитов свой шар декану факультета малефицистики, ну и что из того? Всякое случается, на то и существует факультет, чтобы на нём учились студенты...

И голос ректора казался ничуть не потревоженным, когда он заговорил вновь:

– Ученики мои, вы совершили свой выбор, и настало время узнать решение Великой Силы. Давайте же вознесём молитву Спасителю, дарителю жизни и благ, чтобы каждый, пришедший сегодня на эту площадь, обрёл бы просимое!..

Молиться Неясыть не умел. Парри пытался втолковать ему Символ Веры и заставить вызубрить пару-тройку общеупотребительных молитв, однако Неясыть только мотал головой. Он – свободен. Нет богов, кроме ожидающей каждого человека Смерти, а все те, кого принято называть богами, – это, по нынешнему разумению Неясыти, просто очень сильные маги, сумевшие взобраться на самую вершину.

Люди вокруг него на разные лады затаили молитву. Неясно вновь ощутил на себе злобные взгляды – он, похоже, ещё и язычник или, хуже того, еретик, если не схизматик!

– Что он делает? – одними губами сказал Алхимику мастер огня. – Мало того, что отдал шар Тёмному, так ещё и не молится! Он что, дурак?..

– Кевиа ошибся, – столь же тихо отозвался низкорослый декан. – Если бы этот молодчик пришёл из Тьмы, будь уверен, он пошёл бы к святошам и молитвы, не сомневайся, знал бы лучше Папы Аркинского.

– Может, на это и расчёт? – продолжал сомневаться Огневик.

Алхимик хотел что-то ответить, но в этот миг короткая молитва кончилась. Ректор медленно поднял широко разведённые в стороны руки, и всем, собравшимся на площади, показалось, что сам чёрный камень вздрогнул от пришедшей в движение исполинской Силы.

– Выходи, – Алхимик толкнул коллегу в бок.

Однако мастер Огневик, декан факультета стихии огня, в напоминаниях не нуждался. Волшебник сделал несколько шагов вперёд, и вместе с ним поплыла разноцветная пирамида шаров с именами, покачивавшаяся в воздухе у него над головой. В следующий миг чародей сделал резкое движение своим посохом, точно косой, – и словно бы лопнул незримый обруч, удерживавший шары все вместе. Алые, оранжевые, жёлтые, белые, малиновые, бордовые, кроваво-красные, охристые – шары всех оттенков красного и жёлтого цветов, среди которых, правда, встречались и светло-зеленоватые и голубые, и даже синевато-стальные, медленной чередой поплыли через площадь, прямо в руки тех, чей выбор совпал с выбором Силы.

Толпа разразилась воплями. Кто-то радостно орал, подпрыгивая и размахивая руками, кто-то, напротив, падал прямо на чёрный камень, не в силах сдержать рыданий. На сей раз в отношении огненной стихии выбор Силы в основном проявился через цветность. Красный – цвет пламени – редко превалировал среди отданных мастеру Огневику шаров. Примерно раз в двадцать лет, не чаще.

Следующим настала очередь Алхимика. С ним вышла совсем иная история, цвет его шаров варьировался от опять-таки немногочисленных красных до столь же редких фиолетовых; нельзя было сказать, что у какого-то из цветов здесь преимущество.

Один за другим деканы выходили вперёд. Разноцветные веера шаров плыли через площадь, прямо к жадно тянувшимся за ними рукам. Ничего не скажешь, маги придумали нелепую, но яркую и зрелищную церемонию. Понятно, почему она не приелась простым обитателям Ордоса даже за все эти долгие годы.

Лица деканов оставались приятно-спокойными, ни один не расстался с любезной, чуть виноватой улыбкой – мол, хотели бы взять всех, но, увы, закон есть закон. Как и положено, отсеивалась, не получив своих шаров назад, примерно треть аколитов. У остальных шары превращались в изящные браслеты, охватывающие левое запястье. Имя оставалось на поверхности, так, чтобы его легко можно было прочесть, даже бросив на браслет лишь мимолётный взгляд. Те, кому не повезло, уныло тянулись прочь с площади, и люди в переулках поспешно расступались, кланяясь даже и неудачникам с неложной почтительностью.

Обладай Неясыть слухом настоящей совы, он, быть может, и сумел бы уловить быстрый шёпот Кевиа, декана «священного» факультета, обращённый к ректору:

– Милорд, может, ещё обойдется... вдруг да не совпа...

В этот самый миг тот, кого деканы и народ называли Тёмным, наконец-то, в свою очередь, шагнул вперёд. На сей раз его уродливая, полужмеиная голова была высоко поднята, нечеловеческие глаза горели яростно-жёлтым огнем, в горле клочкотало. Чёрный посох описал стремительную дугу, и казалось, конец его оставляет в воздухе быстро гаснущий след какого-то тёмного пламени. Бесцветный шар, на котором не было никакого имени, поплыл через площадь; люди затаили дыхание. Однако он не исчез, подобно шарам других неудачников. Он намертво лёг в подставленную ладонь Неясыти, тотчас же обернувшись положенным по уставу Академии браслетом. Правда, цвет теперь стал другим – и притом именно чёрным, под стать одеянию и посоху декана.

Площадь дружно вздохнула. Декан факультета священной магии, милорд Кевиа, побледнел и пошатнулся, так что ректору пришлось чуть ли не подхватить толстяка под руку.

Несколько мгновений показались собравшимся часами – прежде чем ректор сумел овладеть собой (он всё-таки недаром занимал эту должность!) и не начал положенную традицией Прощальную речь.

Его голос не дрожал, слова лились плавно и гармонично, и Неясыть невольно почувствовал к нему уважение. Этот человек умел проигрывать. Неясыть не мог пока что понять, почему ректор считает себя проигравшим, но ошибиться в оценке он не мог. Неужели его настолько боятся?.. Что ж, в своё время он узнает, почему и за что.

А Прощальная речь всё длилась и длилась, и неудачники, до сих пор не покинувшие чёрную площадь, невольно поднимали головы и распрямляли ссутулившиеся плечи. Ректор обращался именно к ним, а вовсе не к успешно прошедшим через выбор. Он говорил, что всё может измениться – если изменятся они сами. Пусть они возвращаются в родные места, пусть вновь встретятся с теми, кто признал их годными для учёбы в Академии, пусть научатся смотреть в глубь себя чуть-чуть отчётливее, чем сейчас, и тогда они смогут вернуться.

В продолжение всей этой пылкой тирады Неясыть стоял неподвижно, глядя прямо перед собой. Получив обратно свой шар, он тем самым стал неприкосновенен для остальных обитателей Ордоса, в том числе и для принятых в Академию аколитов – дуэли между «своими» были строго-настрога запрещены – иначе не миновать беды: взгляды, бросаемые на него новоиспечёнными студиязусами, были куда как неласковы.

Наконец ректор закончил. Деканы разделились, сзывая каждый к себе свои факультеты. Всего на площади осталось около трёх сотен человек, достаточно быстро поделившихся сейчас на отряды примерно по три десятка человек в каждом, где-то чуть больше, где-то чуть меньше; подхваченный всеобщим движением, слитый с толпой – и вместе с тем совершенно, наглухо от неё отделённый чёрным браслетом на запястье – Неясыть оказался выброшен, словно бревно-топляк на низкий берег, к самым ступеням, на которых стоял Тёмный.

– Ты не отрёкся, сын мой, – медленно проговорил декан. Несмотря на жуткую внешность, по-эбински он изъяснялся чисто, без малейшего акцента. – Ну что ж... значит, это судьба. Только тебе ведь будет трудно, очень...

– Знаю, милорд декан, – сухо произнёс Неясыть. – Не надо пустых слов, всё уже решено. Я рад, что не ошибся.

Тот, кого называли Тёмным, взглянул на своего ученика – куда более внимательно. В глубине жёлтых глаз по-прежнему мерцало пламя.

– Ты знаешь, чего хочешь, молодой мэтр? – также холодно, в тон ему спросил декан. – Я чувствую твою пустую полноту... или заполненную пустоту, так будет вернее. Ты уверен, что осознал свой путь?

– Я выбрал его, и он не разошёлся с выбором Силы, – пожал плечами Неясыть.

– Деканы не решились жульничать, – буркнул Тёмный. – С выбором Силы не шутят; а то бы они тебя в два счёта...

– Они боятся вас? Но тогда почему терпят?

Двенадцатый факультет, состоявший всего из двух человек, замыкал втягивавшуюся в белые ворота Академии колонну неофитов, и, казалось, даже спины идущих впереди, в некотором отдалении лекарей, наставников одиннадцатого, Целительского, факультета источают страх и ненависть.

– Боятся? Пожалуй, нет, – после некоторого молчания ответил Тёмный. Чёрный его посох ритмично стучал о камни – в такт подозрительному клацанью из-под свисавшей до земли мантии. – Силы моей осталось – всего ничего, так, балаганные фокусы, подайте декану факультета малефицистики на лабораторные занятия!.. Ректор Академии белый маг Анэто – очень хорош. Мгновенная реакция, широчайшая эрудиция, по складу своему он – воздушник, ветровик, но и три остальных стихии знает на «ять». С ним мне сейчас не тягаться.

– А раньше? – невозмутимо спросил Неясыть.

Декан ощутимо вздрогнул. Жёлтые глаза так и впились в лицо парня.

- Да откуда ж ты такой бойкий взялся?! - резко спросил волшебник. - Ну да, прав ты, ученик мой, прав, было дело, случилось нам с Анэто переведаться в чистом, как говорится, поле...

- Война Волка, - бесцеремонно перебил декана Неясыть.

- Война Волка... Слушай, а что же болтали, будто у тебя с памятью нелады? Врали всё?

- Нет, не врали, милорд декан. Это я у Парри в башне вычитал, когда мне наконец грамота далась. У него там немало книжек - без них-то, наверное, бедняга и вовсе бы ума лишился...

- Это точно. В той пустыне недолго и руки на себя наложить с тоски. Парри я знавал - ничего себе был паренёк, бойкий. Вот только не повезло ему. Увлёкся этой каллиграфией, рунной магией... Ну да ладно, хорошо, если ему удалось оттуда вырваться, я теперь, если разобратся, его должник.

- Вы хотели иметь учеников, милорд декан?

Волшебник ответил не сразу.

- Умешь ты спрашивать, молодой мэтр, - наконец усмехнулся Тёмный, однако на сей раз его усмешка получилась куда как злой. - Тебя обманывать не хочу - нет для меня чести учить ваших. Не люблю я людей, видишь, какая история. В этот мир мы пришли первыми. Не так уж и давно, даже по вашим меркам. А потом... потом твоё племя подросло, Неясыть.

Парень коротко взглянул на декана и ничего не сказал.

- Даже не хочешь узнать, откуда мне твоё имя ведомо? - невольно удивился Тёмный.

- Станете учить - скажете, милорд декан.

– А ты нахал, – покачал головой чародей.

Парень только пожал плечами.

– Я не знаю здешней игры, милорд. Кто-то стёр у меня из головы все установления, порядки, предрассудки, склонности и всё такое прочее. Иногда это может оказаться очень полезно, милорд.

– Может, ты и прав, Жзрщжю, – хмыкнул декан. – Знаешь такое слово?

– Нет, милорд, но полагаю, что на вашем языке оно означает мою расу.

– Ишь ты! Верно... Ну так вот, мы были здесь первыми. А потом пришли вы. А потом гномы, потом эльфы, потом – все остальные. Орки последними пожаловали, вот и довольствуются теперь Волчьими островами...

Они миновали белую арку. Неясыть увидел широкий мощёный двор, тут и там в кадках росли диковинные кусты с удивительными серебристо-белыми листьями и неестественно яркими пурпурными цветами, распространявшими вокруг себя мягкий сладковатый аромат. В середине этого двора журчал фонтан, мраморный маг в белых одеждах торжественным жестом поднимал посох, из навершия била мощная струя воды, поражая грудь бесформенных тёмных камней, словно бы оплавленных буйством яростного пламени. Разбиваясь, вода тысячами журчащих струек стекала в выложенный голубоватым камнем глубокий бассейн, где, временами высовываясь из воды и вздыхая, плавали золоточешуйные морские павлины, то и дело распуская дивные свои радужные плавники.

Проходя мимо фонтана, Тёмный обиженно нахмурился, на безбровом лице задвигались чешуи – декан не мог нахмуриться, подобно обычным людям.

– Это памятник их победе? Но ведь не в Войне Волка, правда?

– Правда, – проворчал декан. – Это было ещё раньше... как мы говорим, в Войну Быка.

– Быка? Почему Быка? – удивился Неясыть, изменив своей обычной невозмутимости.

– Наконец-то хоть чему-то удивился, – хмыкнул Тёмный. – А то я уже готов был подумать, что ты всё-таки прикидываешься. Война Быка – вторая война между нами и вами, людьми... Тогда здесь уже появились эльфы, и обычные, и эти, нарнийские, что называют себя Тёмными... правда, тёмности в них – кот наплакал, как говорят у вас, но это уже другая история. Счёт времени у нас иной, не как у людей, мы не считаем солнечные годы. Война Волка получила своё название не только потому, что велась в основном на Волчьих островах. Но и потому, что по-нашему пришлось на... м-м-м, по-вашему и не скажешь... не год, не день, не час, конечно же... на Время Волка, пожалуй. Время Быка – когда великое равновесие покачнулось, всё грозило сорваться в хаос, и соплеменники мои решили использовать выгодный момент.

– Почему же тогда они всё время говорят о какой-то Тьме, если это просто была война народов?

– Потому что в той войне мы победили, – сухо и нехотя отозвался декан. – На Аррасской равнине мы, Duott, встретили вас, Жзрщю, вместе с этими волосатыми карликами – Zweorg – и славно потешились. Бой вышел на славу... трупы на пять лиг во все стороны лежали сплошным ковром, точно скошенная трава...

– Не может быть, – ровным голосом перебил Неясыть. – Двадцать пять квадратных лиг – чтобы покрыть их все телами, нужно более трёхсот двадцати миллионов трупов. Во всём мире даже сейчас не наберётся более пятисот миллионов живых.

Декан изумлённо воззрился на него. Тот продолжал, как ни в чём не бывало:

– Средний рост воина с шлемом – две эбинских сажени. Ширину, завышая для простоты и опять же учитывая доспехи, примем за полсажени. Значит, труп, лежащий на спине, занимает ровно одну квадратную сажень. В эбинской лиге три тысячи шестьсот саженей, следовательно, двадцать пять квадратных лиг – триста двадцать четыре миллиона квадратных саженей. А поскольку мы выяснили, что на каждый труп в среднем требуется одна квадратная сажень, то...

Декан оскорблённо молчал.

– На что тут обижаться, это ж правда, – равнодушно заметил Неясыть. Казалось, ему всё равно, как отнесётся к нему его будущий наставник.

До самого входа в главный корпус Академии они шли молча.

– Ну конечно же, тела лежали не как селёдки в бочке, вплотную друг к другу, – наконец проворчал Тёмный, когда они оказались на отдраенном до нестерпимого блеска крыльце, выложенном слитками чистого серебра.

Истёршиеся регулярно менялись, чтобы, упаси Спаситель, нигде не возникло и малейшей впадинки, способной опозорить цитадель Высокого Волшебства.

Фесс невольно помотал головой. Что на него нашло? Он слишком уж заигрался в этого холодного и пустоголового парня, того и гляди новая маска станет настоящим лицом! Он же был совсем, совсем не таким!

– Прошу простить меня, милорд декан. – Неясыть-Фесс постарался вложить в эту фразу побольше теплоты. – Я... я не хотел.

Жёлтые глаза вновь воззрились на него – пристально и остро.

– Заигрался, парень? – негромко спросил декан. – Да, да, понятно, понятно... ну что ж, забудем.

Они миновали крыльцо, поднявшись по блистающим ступенькам.

Новоиспечённые аколиты, которым ещё только предстояло стать настоящими магами, в почтительном, торжественном молчании рассаживались на длинных, натёртых до блеска жёлтым воском скамейках в просторном актовом зале. У дальней стены зала, украшенной жуткими мордами каких-то мумифицированных страшилищ, проходило возвышение, нечто вроде длинной кафедры, за которой сейчас вновь расселись все двенадцать деканов и ректор. Фесс-Неясыть заметил, что «его» декан сел с самого краю, два кресла рядом с ним остались свободными, третье же занял сам ректор – вроде как «принял удар на себя».

Теперь речи стали ещё более пространными. По очереди вставали все деканы, подробно рассказывая о своих факультетах, программах, кафедрах; Фессу смутно припоминалось, что такое уже случалось в его жизни, он явно где-то учился – уж не той ли же магии?..

Слушал он не слишком внимательно, доверившись навыкам, – и они не подвели, чётко вычленив из словесных кружев только нужное, однако ничего не забыв и не упустив.

Сперва все аколиты посещали факультет общего волшебства, с кафедрами формул астрала, магии предметной, мысленной, ритуальной, общей стихийной. Здесь же имелась кафедра принципов, где новичкам втолковывали общие правила составления новых заклятий. Было и ещё несколько кафедр, которые Фесса потянуло назвать «общеобразовательными»: высшего счёта, движения тел, элементов и элементарей, топонимики, древней и новой истории. Всё это занимало без малого целых два с половиной года. По истечении их аколит считался уже не Учеником, а Подмастерьем и мог носить при себе короткий резной жезл, как знак своего умения.

В середине третьего года учёбы начиналась специализация. Отдавшие свои шары факультетам стихийной магии начинали совершенствоваться в тонких принципах управления четырьмя великими первоначалами; те, чей выбор пал (и совпал) на алхимиков, целителей, священнослужителей или же занимавшихся Нелюдью, уединялись в лабораториях, скринах и бестиариях. Там они проводили ещё три полных года, после чего следовала двенадцатимесячная самостоятельная работа, заканчивавшаяся оформлением трактата и защитой его перед советом ученых мужей Академии; трактат посвящался или разработке новой трёх-четырёхзвенной системы заклятий, или описанию нового вида нечисти (недостатка материала не ощущалось, Змеиные леса к востоку от Кинта и на островах Огненного архипелага с готовностью выбрасывали из своих глубин всё новые и новые виды страшилищ), или изучению свойств нового эликсира. Архивисты сдували пыль с пожелтевших хроник – их в подвалах Академии хранилось ещё на много поколений историков, – и примерно тем же занимались знатоки древней магии, старательно исследуя свойства попадавших в руки Академии старых амулетов и оберегов.

Защитив и сдав на вечное хранение в архив Академии свой трактат, аколит переставал быть, собственно говоря, аколитом, Учеником или Подмастерьем, превращаясь в полноправного мага, которому разрешено носить вождеденный длинный посох. После выпуска маг считался свободным и мог заниматься чем угодно, лишь не забывая платить в пользу выучившей его Академии необременительный, но ежегодный налог. Отчего-то никому и в голову не приходило от него уклониться. Ректорат помогал тем, кто хотел найти работу или по каким-то причинам не мог вернуться в родные места – все земли, все

города от Волчьих островов до Огненного архипелага, побережья Моря Ветров, Надежд и Призраков – отовсюду короли и герцоги, свободные бароны и вольные купеческие города – все слали снабжённые множеством печатей грамоты-прошения. Жаркому Кинту, например, требовались адепты водной стихии и мэтры-знатоки Нечисти – во множестве. Оно и понятно, Змеиные Леса занимали половину территории огромного острова Кинт и джунгли не собирались останавливаться на достигнутом, упорно наступая на возделанные людьми земли.

Всё время, пока шла учёба, аколиты жили прямо тут же, в Академии, при своих факультетах, вокруг зданий которых выросли настоящие городки. Всё в Академии блистало чистотой, нигде ни облупившейся краски, ни поломанной дощечки, ни выбившегося кирпича... Слугами здесь были мелкие зеленокожие гоблины, мирные, тихие, покорные, куда как отличавшиеся от орков, своих более старших собратьев, полным отсутствием свирепости, воинственности и какого бы то ни было боевого духа. Судя по всему, положение вечных слуг, покойная сытая жизнь полностью устраивала эти создания.

Но не Фесса.

Неясыть-Фесс и его декан медленно шли по дорожке, обсаженной цветущей сиренью (цветущей, несмотря на неподходящее время года) и вымощенной сиреневатым же, в тон, камнем. – Сейчас повернём направо – и дома. – В голосе Тёмного слышалась горечь.

Территорию Академии надвое рассекал глубокий канал, подъятая магией из глубин вода текла к морю. На берегу стояло длинное одноэтажное белокаменное здание под рыжей черепицей, удивлявшее даже на первый взгляд своей неухоженностью. Половина окон зияла выбитыми стёклами; на кровле тут и там видны были широкие, кое-как забитые полусгнившими досками прорехи. Деревянное крыльцо покосилось и отчаянно скрипело, словно жалуясь на судьбу.

– Нам сюда, – смущённо сказал Тёмный.

Фесс... или нет, скорее, это был именно жестокий и равнодушный Неясыть, посмотрел в этот миг на декана с плохо скрытым презрением.

– А что ты хотел, мальчишка?! – внезапно взорвался чародей. – Поступил в учение к Тьме и хочешь, чтобы здесь, в цитадели Белого Совета, тебя встречали фанфарами и фейерверками?! Один я тут, понимаешь, уже сколько лет – один! Кабы не я, эта развалюха давным-давно бы уже сама рухнула. Так что половину своего времени я тут на лесах провожу... латаю, что ещё можно подлатать.

– Стропила просели, – чуть виновато сказал Фесс. – Менять надо, пока вся кровля не поехала...

– Менять, менять... сам знаю, что менять, – уже куда тише проворчал декан, видимо, успокаиваясь. – Да только как это поменяешь? Сам я такой магией не владею. А эти... остальные... как говорится, зимой снега не допросишься. Мы же Тёмные!

– А друг с другом? – осторожно полюбопытствовал Неясыть-Фесс.

– А друг с другом они очень даже ничего, – признался декан. – Они не злодеи, Неясыть, никого не угнетают и не убивают. И перед Святой Инквизицией за схваченных всегда заступаются, когда могут, – выкупают, выменивают... я слышал, даже сбежать кое-кому помогли.

Он с натугой, несмотря на всю свою явно громадную и нечеловеческую силу, отвалил тягостно скрипнувшее полотно двери, сработанное из каких-то чёрных костей неведомого чудовища. Основу составляли два перекрещённых витых рога; покрывавшая некогда их поверхность тонкая резьба успела стереться за минувшие годы. На одном из рогов в самой середине двери кто-то, потратив, наверное, целую пропасть усилий и старания, выцарапал бранное слово. Фесс достаточно поднаторел в эбинском, чтобы понять смысл.

– И не просто ведь так накорябали, – с грустью заметил декан. – Ещё и заклятьем защитили. Который день мучаюсь – по сю пору не распутал. Не силён я в этой их новомодной магии, что поделаешь, Неясыть, не силён. Мне эту дверь испепелить куда проще...

Они вошли внутрь. Фесс покачал головой – о некоторых домах принято говорить, что они, мол, знавали «лучшие времена», однако этот, похоже, таких времён не знавал вовсе. Даже сами стены были выложены здесь кое-как, на скорую руку, чуть ли не в один кирпич, отделаны явно наспех и без всякого тщания; об

украшениях и говорить не приходилось. Неясыть-Фесс оказался в небольшом помещении, для которого больше всего подходило слово «прихожая», с голыми коричневатыми стенами, с проступившими кое-где пятнами от протечек; доски пола рассохлись и противно скрипели при каждом шаге. Кое-где на стенах виднелись кривоватые полки; на каждой уже успел собраться изрядный слой пыли.

– Убирать-то тут некому, – перехватив взгляд Неясыти, пояснил декан. – Вот сам с тряпкой и ползаю, случается. Когда руки дойдут...

Судя по всему, случалось это куда как редко.

Вправо и влево уходили два длинных и узких коридора, скупо освещённых редкими масляными плашками. Факультет малефицистики, где избранные должны были постигать саму Тьму, на поверку выглядел словно забытая провинциальная гостиница. «Небось и тараканы тут есть», – подумал Неясыть.

Тараканы тут и вправду водились. Большие, рыжие, усатые. Словно разбуженные стуком шагов, они вылезали из своих убежищ вдоль рассохшихся и отставших от стены плитусов, шевелили усами, нехорошо поглядывая вслед пришедшим. Про себя Фесс дал молчаливый зарок при первой возможности расправиться с наглыми гадинами. Почему же декан не уничтожил их своей властью?.. Ещё давно?..

– Почему, почему... – проворчал декан. – На мне зарок Белого Совета. Не убивать посредством магии. Ни прямо, ни косвенно, ни опосредованно. Вот и приходится терпеть. Во всей Академии их уже прикончили, так они теперь у меня тут собрались. И в походы отсюда ходят... на другие факультеты кормиться. – Он невольно ухмыльнулся. – Хоть в этом досажу Светлым!..

«Досажу Светлым, – с горечью подумал Неясыть – именно Неясыть, а не Фесс, правда, опирался он при этом на изрядно прореженную, но всё-таки не столь короткую, как его собственная, память Фесса. – „Досажу Светлым“, ничего больше его не волнует!»

Они прошли по коридору, мимо многочисленных закрытых дверей, пока коридор наконец не закончился довольно большой полутёмной комнатой.

– Ничего, с тараканами, полагаю, разберёмся, – пробормотал парень, с заметным интересом оглядываясь по сторонам.

Судя по всему, это была штаб-квартира Тёмного, деканат факультета малефицистики, по совместительству – лаборатория, библиотека, кабинет и спальня. Тут ещё поддерживался некий порядок. Во всяком случае, пыли на корешках книг не было, хотя заставленные громоздкими чёрными фолиантами полки поднимались к самому потолку. В углу причудливым жирафом застыла стремянка. Комната – или, вернее сказать, небольшая зала – находилась в торце здания, окна выходили на все три стороны.

– Тебе придётся привести в порядок соседнюю, чтобы спать и заниматься. – Декан виновато развёл руками. – Я, гм, как бы это выразиться по деликатнее... э-э, не ожидал, что хоть кто-то отдаст мне свой шар, и потому, признаюсь, не готовился...

– Ничего, – махнул рукой Фесс. – Не впервой.

– А откуда ты знаешь, что не впервой? – внезапно насторожился волшебник.

– Знаю, – холодно пожал плечами Неясыть. – Я же не разучился говорить. И знаю, что не разучился. Руками работать я тоже не разучился, так что справимся.

– Тебе как аколиту положены кормёжка и одежда, – сообщил декан. – Сходи пока что к мэтру интенданту, а я посмотрю, что тут можно с твоим жильём сделать...

Выспросив у декана дорогу, Фесс вновь вышел на крыльцо. Академия кипела, словно настоящий муравейник; длинные шеренги новоиспечённых студиязусов волокли свёрнутые матрасы, тюки с одеждой, книги, ещё какие-то обиходные вещи; на вышедшего из цитадели Тёмных человека разом устремились десятки не предвещавших ничего хорошего взглядов. Фесс не сомневался – вздумай ему спросить хоть о чём-нибудь этих людей, самое меньшее, что они сделают, – это плюнут ему в лицо. Вернее сказать, попытаются плюнуть. Он на миг собрал в комок и вновь распустил мышцы. О да, он знал, как заставить тело превратиться в оружие даже более страшное, чем все мечи и копья на свете, он без труда проложил бы себе дорогу через толпу этих глупых увальней, не знающих приёмов правильного боя...

«Если только они не из Храма», – вдруг подумал осторожный и отнюдь не кровожадный Фесс, оттесняя вдруг взалкавшего крови Неясытя. Храм... да, это предстояло тоже выяснить, но не теперь, конечно же, не теперь.

Он направился к интендантскому корпусу. У широких ворот с гордым гербом Академии – лучащийся факел в высоко поднятой человеческой руке – толпился народ. Получать первый волшебнический харч и обновы выстроилась целая толпа. Возникла очередь, длинная, ругающаяся, обильно потеющая, то и дело взрывающаяся визгом, если кому-то начинало казаться, что сосед пытается пролезть вперёд него. Трещали воротники и рукава, в ход немедленно пускались кулаки. Отчего-то выяснение отношений на столь примитивном уровне магами здесь допускалось.

Фесс надменно задрал подбородок и двинулся прямо в ворота.

– Эй, ты куда, дубина тёмная! – немедленно заорали ему в затылок. Чья-то рука вцепилась ему в плечо... и немедленно сорвалась, а владелец её, вопя во всю глотку, принялся баюкать торчащую как-то непривычно вбок неподвижную кисть. Фесс не бил, он довольствовался всего одним стремительным и для глаза почти неразличимым движением – правда, из самых жестоких в своём арсенале. Неясыть в его душе взвыл от радости.

– Неужели я такое чудовище? – ошарашенно пробормотал Фесс себе под нос. И, вероятно, этот вопрос отразился у него на лице – потому что больше ему никто дороги на заступил. Не заступил до самой интендантской стойки, когда из угрюмо ощерившейся, но не решавшейся броситься на него всем скопом толпы разом вышли двое.

Первый, высокий и изящный, казался даже более гибким, чем сам Фесс. Дивные золотистые волосы падали до плеч, ноздри тонкого аристократического носа трепетали от гнева, широкие глаза метали искры – в парне явно чувствовалась эльфийская кровь. Совсем ещё юный, почти что мальчик, ещё не начавший бриться, в роскошном золотисто-зелёном камзоле с галунами и шикарном берете с длинным павлиньим пером. На боку у него висела внушительного вида рапира – очевидно, здесь, в стенах Академии, запрет на ношение оружия соблюдался не так строго, как на площади Чёрного камня.

Второй, вставший плечо к плечу с аристократом, напротив, казался только что оставившим соху. Тоже высокий, но и широкоплечий, с мощными мускулами; одет он был в чистую белую рубаху и простые домотканые порты. Соломенные волосы, нос картошкой и целая россыпь веснушек. Этому парню было на вид лет пятнадцать, щёки и верхняя губа его уже успели познакомиться с бритвой.

По сравнению с ними Фесс выглядел стариком. Да он и впрямь был намного их старше – точнее, был бы, не случись этого загадочного провала в памяти.

– Тута, значить, у нас поперёд не лезут, – негустым приятным баском сказал конопатый. – Ты, эта, паря, стань-ка назади, где все. А то я таких нахальных, извиняй, терпеть не могу.

Неясыть не остановился, не повернул головы, и выражение его лица не изменилось. Наверное, Фесс поступил бы совершенно иначе, улыбнулся бы, хлопнул конопатого по плечу, и вскоре они стали бы лучшими друзьями – но в тот миг верх взял именно Неясыть, пришедший в неистовство от того, что ему кто-то осмеливается сопротивляться. Вспышка ярости оказалась настолько ослепляющей, высвобождённый из-под спуда воспитания и традиций гнев – столь сладким, что Фесс и глазом моргнуть не успел, как рука его, слишком хорошо привыкшая рубить и колоть, метнулась вперёд атакующей змеей, проскальзывая, казалось, между самими частицами воздуха. Пальцы Неясыти, сейчас скрюченные, подобно настоящим совиным когтям, уже почти коснулись веснушчатого лица, когда уже не беспамятный Неясыть, а сам Фесс ощутил жаркую волну магии. В этом мире она была грубой, слишком много прямой силы, слишком мало тонкой работы на отдалениях (правда, в чём суть этих самых отдалений, Фесс бы сейчас припомнить не смог), однако отбить внезапную атаку он не смог. Наверное, прежний Фесс справился бы с этим без труда, а вот этот...

Его швырнуло на пол. Мальчишка с эльфьими глазами гордо поставил ногу ему на грудь и патетически вскинул руку. Давящий поток прервался.

И вновь – прежний Фесс справился бы с этим играючи. Он взял бы верх и вышел победителем из схватки меньше чем за секунду, но некогда намертво вплавленного в память движения больше не было, там зияла пустота, и потому первый рывок Фесса пропал втуне. Сапог аристократа надавил на кадык Неясыти, и в голове взорвался настоящий фейерверк боли. Мальчишка не колебался бы убить врага, сочти он это сейчас необходимым.

И всё-таки аристократ-полуэльф ошибся. Нога его оказалась стоящей чуть дальше, чем нужно, и Фесс, без затей и чудес крутнувшись на полу, ободрав себе спину и локти, попросту отшвырнул от себя мальчишку, прежде чем успел вмешаться его конопатый дружок.

Дурак. Молодой дурак, мелькнуло в голове Фесса, когда забывшийся паренёк спиной вперёд полетел в дальний угол, а сам Неясыть оказался на ногах. Когда враг лежит, его надо убивать. Немедленно, и более того, сейчас же. Конечно, юный полуэльф не мог предвидеть, что его противник настолько быстро избавится от шока – сколько-нибудь опытный боец это обязательно бы учёл, несмотря ни на что, – например, он, Фесс.

Однако Неясыть понимал, что его успех – не более чем случайность. Он помнил лишь какие-то обрывки того, что должен был, тело забыло слишком многое, а сознание ещё даже не успело это как следует переварить; ввяжись Неясыть в серьёзную драку, ему это могло бы очень дорого обойтись.

Веснушчатый парень, тоже не робкого десятка, в свою очередь попытался сплести что-то опрокидывающе-давящее, но в это время гомонящая толпа студиозусов как-то подозрительно быстро раздвинулась в стороны, и взорам драчунов предстал сам милорд ректор во всей красе.

– Что такое? Что за шум? – строго произнёс он, явно делая вид, будто не понимает, что здесь произошло. – Только-только стали аколитами – и уже нарушаем устав нашей Академии?

Мальчишка с эльфьими глазами кое-как выбрался из угла, непостижимым образом придав своей скособолившейся от боли фигуре известную элегантность, и вежливо поклонился. Воспитывался во дворце, совершенно ясно, подумал Неясыть, и скорее всего – в северном Эгесте, там знать эльфов любит. В основном, конечно, эльфиек, но и эльфы тоже в цене – так, по крайней мере, утверждал Парри.

– Милорд ректор, – изящный полупоклон, правая рука и левая нога успевают выписать какое-то почти танцевальное па из арсеналов высшего этикета. – Сей человек, аколит Тьмы, имел дерзость войти в этот покой, расталкивая иных добрых студиозусов, и тщился пробраться без очереди! Когда же мы с этим добрым братом, – второй, не менее изящный жест в сторону веснушчатого

парня, – попытались усостить его, напал на нас. По счастью, наше – и этого доброго студиозуса тоже – умение остановило наглеца. Так это было, милорд ректор, в чём я, Эвенстайн из Бларри, что в северном Эгесте, ручаюсь своей благородной кровью и честью моих благородных родителей.

Конопатый «добрый студиозус» выслушал эту речь с разинутым ртом.

– Благодарю тебя, ученик Эвенстайн из Бларри, – ректор слегка склонил голову. – Имел честь в своё время знать твоего благородного родителя...

– Вы оказываете нам честь этими воспоминаниями, милорд ректор...

– А ты что скажешь? – Ректор повернулся к веснушчатому.

– А-а, э-э-э, м-милорд р-ректор, так всё и было... ну, значить, как господарь Эвенстайн сказали...

– Зовут-то тебя как, добрый ученик?

– Бахмут я, ваша милость, Бахмут из деревни Петухи, уезд Смирра благородной Эгестской земли...

– Всё понятно, мой добрый Бахмут. А ты мне что скажешь? – Это уже было обращено к Фессу.

Неясыть успел заметить, что, осведомляясь у аколитов насчёт их имён, ректор слегка лукавил – их, само собой, он знал, они были на браслетах, и уж не ему с его магией было терять время на вежливые вопросы с ответами, если и впрямь требовалось что-то быстро узнать. Однако на его собственном, его, Фесса, браслете имени не было. Только разлитая по неведомому материалу чернота.

– Неясыть, – коротко сказал Фесс. Ректор поднял брови – как бы в изумлении. – Неясыть меня зовут. Не понимаю, в чём дело, милорд ректор, – я просто зашёл в это место посмотреть, туда ли точно меня послали; у меня и намерений не было куда-то вставать или что-то получать. Я шёл мимо, хотел увидеть всё собственными глазами, а тут... один за плечо стал хватать, эти двое в драку полезли. А я им отчётов давать не обязан.

Ректор поднял брови.

– Ишь ты... А почему же не спросил ни у кого?

– Мой цвет не слишком любим другими аколитами, милорд, не хотелось раздражать их понапрасну.

– И поэтому одному из них ты... ну да, сломал запястье, другому это едва не стоило целостности позвоночника...

– Я не применял против них магию, милорд. Только честные кулаки. А вот у этого, – Фесс кивком указал на конопатого Бахмута, – силы раза эдак в два побольше, чем у меня. Да и рука куда как потяжелее.

Фесс вывёртывался, обтекаемые фразы сами собой слетали с его языка, память, казалось, выживала недостающие навыки напрямиком из подсознания – но чувствовал себя воин, конечно же, скверно. Что на него нашло? Он ведь не был таким жестоким, он точно помнил это, не мог восстановить в памяти конкретные обстоятельства, но чувство – в нём он обмануться не мог. Он был бойцом, он был воином, он привык отвечать ударом на удар – но тогда, наверное, было и чему сдерживать его гнев и его страсти. А теперь?.. Теперь он воистину – Неясыть, хищный и жуткий обитатель края полярной Тьмы, ужас мирных крачек, налетающий, что ни ночь, за своей кровавой данью...

Ректор тем временем молчал, озабоченно потирая гладко выбритый подбородок.

– Ты складно оправдываешься, ученик Неясыть. И да, формально ты ни в чём не виноват. Ты никого не оттолкнул и ничего не пытался получить. Но скверно, что ты не хочешь покаяться и что ты лжёшь своему главному наставнику, ибо факультет малефицистики входит в состав вверенной моему попечению Академии, и значит – я в ответе за всё, что здесь творится. Прими же моё увещание – отринь злобу, не внимай так уж безоглядно продиктованным обидой речам твоего декана – и тогда Тьма и Свет соединятся в тебе гармонично. Во всяком случае, я очень этого хочу.

С этими словами ректор повернулся и двинулся прочь, мимо молча и оробело взиравших на него студиязусов, уводя с собой того бедолагу, которому Неясыть походя сломал руку.

Фесс пошёл следом. Не могло быть и речи, чтобы после всего случившегося становиться в очередь.

Краем глаза он заметил, что Эвенстайн и Бахмут, успевшие получить им причитавшееся, двинулись следом.

«Вам мало, ребятки?» – зло подумал Неясыть. Фесс поспешил его одёрнуть, но вспышка гнева была слишком сильна. Парень остановился, давая преследователям понять, что они замечены и продолжать погоню едва ли стоит.

Впрочем, они и не скрывались.

– Эй, как там тебя, Неясыть! – властно окликнул его Эвенстайн. Видно, у себя дома мальчишка успел выучиться повелевать, при том, что он едва ли был законным сыном.

Фесс не обернулся. Ему нет до них дела. Пусть говорят всё, что угодно.

Фессу, воину, и в самом деле было безразлично, что там от него хотят двое мальчишек, но Неясыть в его душе прямо-таки озверел. Фессу стоило немалых трудов погасить ещё и эту вспышку.

За своей спиной он услышал басок Бахмута:

– Прощения прошу, господарь, да токмо не так с этими обходиться надо...

Эвенстайн что-то недовольно проворчал, однако же уступил.

Конопатый аколит в два прыжка поравнялся с Фессом.

– Погоди, Неясыть, погоди, пожалуйста. – Он примирительно поднял вверх согнутую в локте руку. – Перемолвиться нать...

– О чём? – холодно спросил Фесс.

– Да мы вот с господарем Эвенстайном хотели...

– С господарем Эвенстайном из Бларри, холоп, – холодно бросил второй мальчишка, подходя вплотную.

– Нарушаешь устав, мальчик. – Фесс (теперь уже не Неясыть, а именно Фесс!) презрительно сощурился. – Здесь нет сословных различий. В Академии аколиты одного года называют друг друга по именам. Ты плохо слушал речь милорда ректора?

– А ты, верно, ещё глупее, чем хочешь казаться, – ничуть не смутился Эвенстайн. Нарочито напряжённая поза Фесса, похоже, его нимало не пугала. – Разве ты не знаешь, что это правило здесь никто не выполняет? Наставники сами – или из благородных, или выслужившие дворянство. Думаешь, им приятно, если какой-нибудь коровин сын их начнёт по плечу хлопать? Так что, холоп...

Он был умел и ловок, этот парнишка с доброй толикой эльфийской крови в жилах. Говоря дерзости, распаляя противника, он исподволь готовил магический удар – наподобие ножа в спину. Он уже умел побеждать и преотлично понимал, что победителей не судят; но побеждённых зачастую не берут в плен, а попросту вешают.

Удар Фесса пропал втуне, его самого швырнуло прямо на камни; да, его боевое искусство – а ведь он точно помнил: было оно, было! – теперь, увы, никуда не годилось. Эвенстайн успел увернуться, быстро прищурился, с явной натугой прошептал несколько слов – и спелёнутого незримыми путами, точно ребёнка, Фесса подняло в воздух.

Нимало не стесняясь окружающих, Эвенстайн от души заехал Неясыти кулаком в ребра.

– Лихой, да? – брызгая слюной, прошипел мальчишка. – Думал, всё можешь? Один ударчик выучил – и ты непобедим? Эх, эх, жаль, меча у тебя нет, а то я бы уши-то тебе пообкарнал. Дурак ты, холоп, дурак, а туда же – Тьму постигать взялся!

Сцена получилась донельзя нелепая. Ни Эвенстайн, ни Бахмут не прятались, всё это творилось прямо на глазах у остальных учеников; задыхаясь от унижения и ярости, Неясыть метко плюнул прямо в роскошные эльфы глаза мальчишки.

– ...Svorte тебе в рыло, – прохрипел Неясыть, использовав одно из позаимствованных у Парри бранных слов – как он теперь понял, восходило оно аж к языку сородичей его декана.

Мимо них шли многие, однако никто почему-то не остановился – даже поглазеть.

Внезапно пути ослабли – словно кто-то перерезал их ножом. Неясыть мягко спружинил, приземляясь на ноги, и...

– Оставь его, Неясыть, – устало сказал Тёмный, вдруг оказавшись рядом и крепко беря своего ученика за локоть. – А вы, милостивый государь, ступайте к своему декану. Ступайте, ступайте, не сверкайте на меня глазами, я вам не по зубам.

– Пока не по зубам, отродье Тьмы! – Мальчишка плюнул на камни под ноги декану. Тот лишь пожал плечами. Второй плевок просто вспыхнул в воздухе.

– Идём, Неясыть, – произнёс декан. – Идём, я там собрал тебе поесть. И одежду твою принёс. Я знал, нечто подобное случится... но не ожидал, что так скоро. Пойдём отсюда, пойдём, пусть себе злобятся...

* * *

Они вернулись обратно в здание факультета. Тёмный не подвёл, он и впрямь каким-то образом успел добыть Неясыти всё, положенное «доброму студиозусу». Здесь же, в пустоватой комнате, нашлась и кухня – Тёмный, очевидно, предпочитал не тратить магию на такие повседневные вещи, как приготовление пищи.

После того как Фесс утолил первый голод, декан выудил откуда-то из недр конторки чёрного дерева внушительного вида пергаментный том, снабжённый серебряными застёжками. Взял перо, откинул крышку переплёта – взметнулось облачко застарелой книжной пыли. Декан взял перо, сдвинул крышку с массивной чернильницы.

– Ну, так что же, выбрал? Чему мне тебя учить?

– Всему, что знаете, милорд декан, – строго и официально ответил Фесс. И то сказать – смех один эти «кафедры». Вампиризм, скажем, или ликанотропия. Чего тут изучать? Как это – в отдельности – может пригодиться? Зато как часть некоей всеобщей совокупности – очень даже полезно.

– Хм! – Тёмный прошёлся вперёд-назад по своему «кабинету». – Нет, брат, так не получится. Здесь все-таки не вертеп, а какая ни на есть, но Академия. И спрашивает с меня ректор так, словно у меня не один-единственный ученик, первый за многие годы, а целый выводок, на каждую из кафедр по десятку. Пиши давай, декан, распределяй, изводи пергамент... А его, между прочим, ещё и не достанешь...

Фесс слушал раздражённое ворчание декана со странным чувством. «Ты стоишь во главе... нет, не факультета даже, а целого дела. Может, плохого, злого, отвратительного. Но ты стоишь за него. Значит, для тебя оно не плохое, не злое и не отвратительное. Ты не отрёкся от своих цветов. Но почему же ты даёшь впутать себя в эти идиотские игры? Какие-то бумажки, какие-то послания, какие-то списки... ты играешь по их правилам, по правилам своих врагов, ты не попытался восстать; ты ждал ученика? Но, если ты хочешь обратить меня в свою веру, почему медлишь? Зачем все эти формальности, если нас двое? Или ты не веришь мне? – внезапно обожгла мысль. – Ты не веришь мне, считаешь засланным, думаешь, что это – очередная атака, которую тебе надо обязательно отбить? Я угадал, Тёмный? Ты стар, ты очень стар, и ты, похоже, слаб. Твоё нынешнее существование лучше смерти, это так. Я не понимаю этого, но я вообще многого не понимаю. Быть может, если я когда-либо доживу до твоих лет, то тоже начну точно так же, если не сильнее, бояться телесной гибели. А у тебя бедное, но, похоже, безопасное житьё-бытьё, над тобой, как говорил Парри, не каплет. Тебе не за что бороться, ты кукла на верёвочках, и вот, чтобы заглушить в себе эти мысли, ты бережно копишь обиды, точно скряга золотые монеты. Ты упиваешься унижением, не так ли? Или я не прав? Но отчего тогда...»

Он оборвал мысль. Декан выжидательно смотрел ему прямо в глаза.

– Так что с кафедрой делать-то будем? – со вздохом спросил Тёмный. – Я бы, конечно, костями лёг, чтобы тебя, Неясыть, тут оставить, да только куда там! Ушлют тебя на самый край земли, куда и ворон костей не заносил, так что умение твоё хоть сколько-нибудь ходовым должно быть.

– А какое же оно, самое ходовое? – Фесс легко и непринуждённо улыбнулся, желая подбодрить декана.

– Некромантия, – совершенно серьёзно ответил Тёмный. – Некроманты, Неясыть, всегда в цене, и даже наш преславный Белый Совет, думаю я, не отказался бы от их услуг. Много неладных дел в мире творится, слишком много дикой магии, слишком много силы в руках невежд, слишком много артефактов ещё гуляет по свету, вот и случается... Ведь тому же Белому, мастеру огня или там воздуха, нужно сто раз вокруг себя оборотиться, наизнанку вывернуться, чтобы одного-единственного зомби, скелета или мертвеца ожившего обратно под землю загнать! Случалось, целый лес выжгут, чтобы одного одолеть. А некромант – пожалуйста, сделаем в лучшем виде. Э-эх! – Тёмный в сердцах махнул рукой. – Что тут говорить... Те короли, которые поумнее да от Академии подальше, я слышал, некромантов очень даже привечают. На Волчьих островах, например... или в Кинте Дальнем.

– Кинт Дальний – это ж совсем рядом, море переплыть? – щегольнул Фесс своими познаниями в географии нового для него мира.

– Верно. Только у них там и без того хлопот хватает, с тварями Змеиных лесов биться, а когда ещё и по части некромантов тревоги начинаются... Святоши нельзя сказать, что совсем ничего не смыслят и не могут, но и им тоже месяца три надо – скажем, чтобы кладбище беспокойное нормальным сделать, да при том ещё добрую сотню народа положат, пока справятся. А для грамотного некроманта это – пара-тройка дней, не больше. А я и таких знавал, что за несколько часов справлялись. Если, конечно, некромант этот – грамотный... – Тёмный сделал многозначительное ударение на последнем слове.

– Впечатляет, – сказал Неясыть. – Впечатляет, милорд декан. Я согласен. Запишите меня на кафедру некромантии.

* * *

День угасал. Первый день Неясыти-Фесса в Академии Высокого Волшебства. Он лежал в «своей» комнате, неподалеку от «кабинета» декана. Немалых трудов стоило привести помещение в хотя бы относительный порядок, повыгонять наглых рыжих тараканов и нахально устроивших гнездо прямо в углу крыс. Завтра он, Неясыть, займётся этой живностью всерьёз. А пока надо спать, спать,

спать, чтобы рассудок и память завтра были свежи и ясны – ему предстоит ещё многое узнать, прежде чем он приблизится к тайне собственного появления здесь и отыщет дорогу домой, где бы этот дом ни находился.

Интерлюдия I

Путь домой

– Идти можешь, Тави?[4 - Персонаж романа «Алмазный Меч, Деревянный Меч», странствующая воительница и волшебница, уроженка Мельинской Империи, была спутницей Сидри Дромаронга в походе за Драгниром, затем – соратница Клары Хюммель.]

Эвис Эмплада[5 - Член Гильдии боевых магов, уроженка Долины, молодая чародейка, спутница Клары Хюммель.] с тревогой склонилась над стонущей девушкой. Вопрос был задан зря. Взор Тави помутился от боли, она ничего не отвечала. С первого же взгляда было ясно, что дело дрянь, – щиколотка Тави быстро опухала, несмотря на все старания Клары и Мелвилла.[6 - Так же, как и Эвис, член Гильдии боевых магов, только куда старше.] Эгмонт[7 - Четвёртый боевой маг, спутник Клары Хюммель.] с проклятиями рубил в мелкую щепу хитроумный деревянный зажим-ловушку, в который Тави угодила на узкой тропе.

– И кто ж это, хотел бы я знать, теперь охотится с эдакой снастью на тропях Междумирья? – ни к кому в отдельности не обращаясь, процедил он сквозь зубы.

– Потом все разговоры, потом! – оборвала его Клара. Лицо волшебницы было бледно, виски покрывали мелкие бисеринки пота – заклятие давалось нелегко, здесь дорога вообще оказалась почти непроходимой, да вдобавок ещё то и дело отказывалась повиноваться магия, и приходилось полагаться в основном на мечи и доспехи. Хюммель стояла на коленях, поддерживая ладонями затылок стонущей Тави.

Прошедшая выучку у Вольных не может так громко стенать из-за какого-то там растяжения или даже вывиха, мелькнуло в голове волшебницы. Клара понятия

не имела, кто может так «шалить» в областях, доступных лишь магам да полуразумным чудовищам, существам, изначально наделённым волшебной силой. Правда, случалось, что могучие чародеи делали Межреальность доступной и для простых смертных (или бессмертных) – так во многие миры проникли люди, гномы, эльфы, гоблины, а также масса иных созданий.

Так что же случилось? Проклятие, никак не удаётся нащупать повреждённое место, опухоль какая-то уж слишком плотная, не поддаётся пальпации (а ведь Кларе на ощупь случалось находить одну-единственную порванную связочку!), чары не наложить, даже боль не унять!

– Мелвилл! У тебя корпид? – не поворачиваясь, бросила Клара. – Хоть боль снять...

– Не вычаровывается ничего? – сочувственно сказал Мелвилл, роясь в лекарской сумке. – Вот он, корпид, свеженький... Только ты уверена, Клара, что хочешь дать такое сильное?..

– У девчонки сейчас начнётся болевой шок, – отрезала Клара. – Держи ее крепче, Райна![8 - Воительница-наёмник, из числа постоянной стражи, охранявшей Долину магов, давняя соратница Клары Хюммель, валькирия.]

– Слушаюсь, кирия! – Воительница прижала обеими руками плечи Тави. Клара откупорила пузырёк тёмного стекла, отмахнула воздух над горлышком к себе, вдохнула, поморщилась.

– Ядрён... Эвис, твоя работа?

– Нет, – сообщила юная чародейка. – У самой Мескот[9 - Мескот, Ирэн Мескот – могущественная волшебница, жительница Долины магов, опытейшая целительница. Давняя недоброжелательница Клары Хюммель.] брала.

– Вот уж не знал, что повитуха Ирэн промышляет такими снадобьями, – мрачно удивился Эгмонт.

– Она много чем промышляет, – фыркнула Эвис.

– Да тише вы! – гаркнула Клара, решительно опрокидывая пузырёк над опухолью и мгновенно принявшись втирать в кожу маслянисто-чёрные капли.

Пару секунд Тави лежала, как и прежде, глухо постанывая от боли, однако стоило жуткому зелью приняться за дело, как девушка взвыла нечеловеческим голосом, тело выгнулось дугой; железную хватку валькирии Райны Тави разорвала в один миг; колотясь руками, ногами и головой, девушка покатила в сторону с Тропы – в Межреальности это означало верную смерть.

В нескольких шагах от слабо светящейся полоски «земли» (хотя на самом деле эта субстанция ничего общего с настоящей почвой, конечно же, не имела) начиналось истинное Ничто, не таящие многочисленные опасности заросли Дикого леса, что блуждают, подобно тополиному пуху, из края в край всей Сферы Миров, добираясь притом и до самого Дна, а именно Ничто. Не Нечто. Ничто, первородная древняя Пустота, из которой Творец создал в своё время само Упорядоченное, отделив его от бушующих вокруг ураганов вечного Хаоса.

Эгмонт, точно тигр, бросился на бьющуюся в конвульсиях Тави, опередив даже отчаянный крик Клары. Навалился, прижал всем телом; недолго думая, Райна и Эвис бухнулись сверху, однако сила бивших Тави судорог ещё некоторое время была такова, что всю эту груды тел (причём в доспехах!) едва-едва не разбросало.

Наконец корчи утихли. Клара и Мелвилл помогли остальным подняться. Тави лежала без чувств, однако лицо её порозовело и дыхание стало ровным. Боль отпускала, разжимая свои когти.

– Хорошая штука – корпид, – заметил Мелвилл.

– Ага, если только не знать, из чего эту дрянь варят, – откликнулась Эвис, сдувая прядь со взмокшего лба.

– Так, ладно, хорош болтать. – Клара вновь стала сама собой – походным командиром, а поскольку ей не раз и не два доводилось предводительствовать именно наёмными, сражающимися за золото армиями, то и словечки с интонациями подобрались соответствующие. – Надо решить, что делать дальше. Сколько мы уже тащимся, Райна?

Валькирия извлекла из нагрудной ладанки хронометр тяжёлого чёрного дерева. На отполированной поверхности, нагретой теплом её руки, медленно проступили алые символы.

– Восемь суток по времени Долины, кирия.

– А по-местному? – спросила Клара, уже зная ответ.

– Неопределимо, кирия. Поток слишком сложен, слишком разветвлён... как бы в стоячее болото не попасть.

Все дружно вздрогнули. «Попасть в стоячее болото» означало остаться здесь навсегда – само Упорядоченное начнёт распадаться в пыль от старости, а у нас ещё не кончится провизия, и мы будем полагать, что прошла от силы пара-тройка дней.

– Делать нечего, Клара, – вмешался Мелвилл. – Тут нам даже всем вместе не наскрести сил на заклятие следа. Надо уходить, дурное здесь место.

– Словно кто-то кровь из тебя сосёт, – подала голос Эвис.

Клара сидела молча, хмурилась и кусала губы. Место и впрямь было дрянным. Притом дрянным сугубо, потому что никто не мог понять, в чём тут дело. Заповеди боевого мага гласили, что, столкнувшись с неизвестным, не торопись бросаться на него с мечом наперевес – быть может, тебе потребуется многотысячная армия с катапультами и баллистами.

– А мир тут какой-нибудь поблизости есть? – спросил Эгмонт. – Клара, что говорит твоя карта?

– Молчит моя карта, – огрызнулась волшебница. – Что ты, в самом деле, не маленький ведь, мог бы сообразить. Не знаю я, есть ли тут что поблизости, и установить это мы тоже никак не можем. Едва-едва костёр разжечь сил хватит.

– Н-да, козлоногие б нас сейчас голыми руками взяли, – заметил Мелвилл.

Клара не на шутку разозлилась. Поход выдался тяжёлый, переполненные хищными бестиями или опасными воронками участки тропы перемежались с вот такими вот, мёртвыми и пустыми, но с насторожёнными ловушками, тоже пустыми и мёртвыми, из дерева не удалось извлечь ни лица того, кто сработал самолетов, ни того, кто его поставил здесь. А вдобавок ещё и этот провал в Силе. Её течение ощущалось повсюду на путях Межреальности, и только потому маги Долины могли странствовать от одного мира к другому, – однако здесь Сила словно бы умирала. Будто в ясный день на солнце набежала туча. Вот только вопрос – набежала туча или начало гаснуть солнце?..

– Думаю, надо остаться здесь, – хмуро подытожила Клара, глядя на унылых спутников. – Нести Тави мы не сможем, так что придётся ждать, пока скопится хоть сколько-то сил для вправляющего заклятия. Великий Хаос, никогда не думала, что стану лечить перелом или вывих посредством «кольца»!

– Все мы каждый день что-то делаем впервые, – философски заметил Мелвилл.

Они, как могли, устроили на Тропе временный лагерь. И приготовились ждать.

Тави безмятежно спала, тихо посапывая. Корпид подарил ей двенадцать часов покоя – правда, потом станет гораздо хуже. За эти двенадцать часов Клара Хюммель должна была справиться с раной.

Дорога домой получалась невесёлой.

Глава вторая

Факультет магии, сиречь злоделания

Занятия начались на следующий день. Неясить был лишён обычных студиязовских радостей вроде доброй компании, доброй гулянки и доброго пива. Точнее говоря, пива он, конечно же, лишён не был, просто что ж это за удовольствие – дуть пиво в одиночестве? Эдак и спиться недолго; поневоле приходилось переходить на воду.

Подчиняясь правилам, Фессу предстояло тащиться на факультет общего волшебства. Конечно, он – на особом счету, у него наставник – Тёмный, и после «обеда» он, Фесс, вернётся «домой» – но до полудня он принадлежал Академии. Белому Совету, если быть точным.

В толпе направлявшихся к главному корпусу он разглядел знакомую пару – простодушного Бахмута и надменного господаря Эвенстайна из Бларри. Руки Неясыти сами сжались в кулаки. Проклятие, как же силён этот эльфийский выродок, как ловко владеет пусть только одним, но куда как действенным заклятием! Но... если только правдивы те отрывочные воспоминания, он, Фесс, умел справляться с такими «преградами». И даже, более того, не считал их за таковые. Эти двое... странная пара. Странные вопросы, которые они задавали – точнее, пытались ему задать. Слово и впрямь два школяра, которым опытный дознаватель поручил выяснить всю подноготную донельзя подозрительной личности, отчего-то при этом лично на сцену не появляясь. Неясыть твёрдыми шагами двинулся наперерез мальчишкам. Те заметили его мгновенно, даже, пожалуй, слишком уж сноровисто; тотчас же подобрались, сдвинулись, встав плечом к плечу; незаметно было, чтобы гордец Эвенстайн опять повторял свои благоглупости о господах и холопах.

Они смотрели на него внимательно и очень серьёзно, без тени страха или неуверенности. Наверное, они казались себе очень сильными и неуязвимыми; не слишком похоже на правду, если учесть, что один раз господарь из Бларри уже поискал спиной пятый угол.

– Эй, ребяташки! – громко сказал Фесс, так, что на него обернулось разом добрых два десятка молодых аколитов. – Может, выясним всё между собой раз и навсегда? – И он выразительным кивком указал на узкую дорожку, что вела к густому скверу сразу за главным корпусом Академии.

Ах, если бы он был собою прежним! Не приходилось бы мучительно гадать, что знаменует то или иное дрожание век или движение щеки. Когда-то он отлично умел читать намерения людей по их лицам – когда-то, но не сейчас.

– Слишком много чести для крысы Тьмы, чтобы мы нарушали из-за неё распорядок Академии, – надменно ответил ему Эвенстайн.

– Угу, угу, господарь Эвенстайн из Бларри правду молвит, значить, – тотчас же подхватил Бахмут.

– А-а... – стараясь, чтобы голос звучал как можно более разочарованно, отозвался Фесс. – Да, верно, хорошая штука устав. Трусость свою прикрывать очень удобно, и, главное, никто никогда не упрекнёт. Ну, ладно, ребятки, тогда я пошёл.

Будь эти мальчики хоть на пару лет старше, дурацкий розыгрыш Фесса не возымел бы никакого действия. Однако они были ещё слишком, слишком молоды, а рядом в тот миг не нашлось усатого дядьки – наподдать как следует по шее да гаркнуть: «Куда, сопляк?!»

Парочка свернула с аккуратно вымощенной дороги. Под их ногами заскрипел песок; Фесс шагал так, что не было слышно ни звука.

«На сей раз вы меня не застанете врасплох, – думал Неясыть. – Я должен тебя опередить, полукровка, и тебя, конопатый силач, наверняка умеющий в свои пятнадцать гнуть и ломать подковы. Я иду, повернувшись к вам спиной, и вы покорно идёте следом, хотя самое лучшее, что вы сейчас можете сделать, – это бежать отсюда без оглядки, потому что третий раз фокус со спелёнывающим заклятием у вас не пройдёт, не зря же я обмозговывал это всю ночь и не давал спать Тёмному, пусть я забыл многое из того, что знал, и мне уже не по силам справиться с десятком противников – но уж с вами-то, разъярённые вы мои сосунки, я справлюсь наверняка».

Благородный аристократ господарь Эвенстайн из Бларри не стал унижать себя, свой род и свой герб ударом в спину. Фесс рассчитал правильно, полукровка был болезненно щепетилен в вопросах чести, даже если решается, жить ему или умирать.

Они остановились на неширокой круглой лужайке, тщательно постриженной и чистой. Вокруг застыл строй тёмно-зелёных кипарисов. Молчаливый Бахмут неожиданно первым шагнул вперёд, принял боевую стойку – мягко, точно камышовый кот или рыжая рысь. Эвенстайн безмолствовал, только кривил рот в нехорошей усмешке.

– Ну, дык начнём, што ль, паря? – своим простецким говорком произнёс веснушчатый силач. – Без магии, токмо кулаками, а? Посмотрим, кто из нас юшкой-то умоется?

– Болтаешь много, – ответил Фесс. Его не задевали слова мальчишки, но Неясыть взъярился до чрезвычайности. Он-то и бросил Фесса в атаку, плохую, неподготовленную, и...

...Фесс очнулся оттого, что по лицу бежало что-то жидкое, горячее и плохо пахнущее. Миг спустя он понял, что с ним делают, рванулся – и не смог. На сей раз руки его были скручены за спиной самыми обыкновенными ремнями. Вся левая половина головы превратилась в один сплошной океан боли.

– Ну что, сладко, крыса? – насмешливо спросил юный полуэльф. – Мой добрый Бахмут тебя, недоноска, ещё, считай, пожалел. И откуда ты такой, интересно, к нам сюда пожаловал, да ещё и с Тёмным связался?..

Фесс молчал. Когда-то он мог бы даже со связанными руками разбросать этих молокососов, а теперь... тело подводит его, некогда безотказное оружие, которое нельзя отобрать, дало сбой. Отчего, почему? Ведь такое не может забыться!..

«Выходит, может, – сосредоточенно подумал он, почти не слыша тихого, но разъярённого шипения Эвенстайна. – Сколько же всего и почему стерлось в тебе, Фесс? Или, может быть, лучше не цепляться за это имя, пустое, «точно череп труса, катаемый прибоем»? Принять новое – Неясыть и жить по новым законам?..»

Ему почти удалось отвлечься. Он даже перестал чувствовать врезавшиеся в запястья ремни.

– Так-так, – раздался совсем рядом голос ректора. – Сцена иная, но лицедеи те же. Очень интересно. Может быть, вы объясните мне, что происходит, любезный мой Эвенстайн из Бларри?..

Неясыть с трудом повернул голову. Возле самых глаз стояли сафьяновые с золотым тиснением остроносые сапожки милорда ректора. Больше Неясыть ничего не видел – боль внезапно прорвала воздвигнутую в сознании плотину, и

потребовалась вся его сила воли, чтобы сжать зубы и не унизиться стоном.

- Милорд ректор, сей холоп...

- В Академии нет ни холопов, ни господарей, студиязус. Прискорбно, что ты, став полноправным учеником, так и не озаботился хотя бы прочесть устав.

Это было явно не то, что ожидал услышать молодой полуэльф. Однако Эвенстайну хватило ума не начинать препирательств.

- Покорнейше прошу простить меня, милорд ректор, и, если мне полагается наказание, прошу вас возложить всю тяжесть его на мои плечи. Бахмут только исполнял то, что я говорил ему.

- Похвально, что ты защищаешь доверившегося тебе, - ласково сказал ректор. - Что ж, ты понесёшь наказание. Явишься ко мне в кабинет, когда гномон покажет полдень. А ты, мой добрый Бахмут, свободен. Только сперва развяжите этого беднягу.

Сильные руки одним движением поставили Фесса на ноги. С успевших онеметь запястий сорвали ремень.

- Ступайте, - приказал ректор, глядя Фессу прямо в глаза.

Полуэльф и Бахмут молча исчезли.

- Тебе не мешало бы умыться и сменить платье, - заметил волшебник. - Отчего ты не защищался?

- Не хватило умения, - криво усмехнулся Фесс.

- Не привык проигрывать, да?

- Не знаю, милорд. Не помню. Но, наверное, да.

- Хорошо, что ты мне не врёшь, Неясыть. Скажи, это ведь ты затеял драку?

– Да, милорд.

– Зачем?

– Эти двое показались мне странными, милорд. Я хотел выяснить, действительно ли они просто хотят рассчитаться со мной за вчерашнее, или...

– Или? – подхватил ректор.

– Или ими движет какой-то иной интерес, – пожал плечами Неясыть.

– И что же тебе удалось выяснить? – с искренним интересом спросил ректор.

– Ничего, милорд, – вздохнул Фесс. – Оказалось, что сейчас я умею меньше того, к чему привык. План не удался.

– Досадно, – сочувственно сказал ректор. – Ну ничего, на ошибках учимся, Неясыть. Идём, идём, а то... э-э-э... имеющее место амбрэ...

По пути до самого кабинета милорд ректор не произнес ни слова. И потом, после того, как Фесс умылся, а милорд ректор самолично, посредством магии, убрал с его одежды все следы случившегося, не спросил Неясыть ни о чём.

В кабинете милорда ректора было на что посмотреть. Стены покрывали нежно светящиеся розоватые плафоны розового дерева. На громадном письменном столе стоял целый ряд каких-то кристаллических шаров на бронзовых подставках, в некоторых Неясыть заметил скорченные чёрные фигурки, отдалённо напоминавшие человеческие – причём очень отдалённо. В отличие от кабинета Тёмного, здесь было очень мало книг – лишь несколько древних инкунабул в выцветших кожаных переплётках, малиновых и оранжевых. Особый колорит кабинету придавал исполинский рогатый череп, прибитый здоровенными железными костылями прямо над креслом милорда ректора. Кончики рогов упирались в противоположные стены, имея размах не меньше полутора десятков шагов. Трудно было представить себе зверя, способного таскать на голове такое украшение.

– Садись, Неясыть, – наконец сказал волшебник. Со вздохом одернул свой идеально белый плащ, поставил посох в специальную бронзовую витую держалку возле правой руки и наконец пристально воззрился на воина. – Что они от тебя хотели?

– Милорд, это ведь я начал, – возразил Фесс.

– У меня хорошая память, Неясыть, не надо мне напоминать, – сухо заметил чародей. – То, что от них хотел ты, мне понятно. Но ведь им тоже что-то было нужно. Я хотел бы выяснить, что именно. Они задавали тебе вопросы?

Парри предупреждал своего подопечного, что ведущие маги Академии обладают способностью читать мысли и что особенно следует быть осторожным при разговорах один на один.

– Да, милорд, – всем видом своим показывая святое желание отвечать правду, правду и ничего, кроме правды, произнёс Фесс. – Насчёт того, откуда я тут взялся.

Ответ был абсолютно честным, Неясыть глядел прямо в лицо чародею правдивыми глазами, не допуская в сознание никаких крамольных мыслей, – и нехитрый трюк, как показалось ему, сработал.

Ректор задумчиво побарабанил пальцами по зелёному сукну, что покрывало стол.

– А как ты думаешь, Неясыть, зачем им это знать?

– Вот и я ломаю себе голову, милорд ректор, – зачем? Прошлого своего я не помню. Какая им польза от этих вопросов? А любой грамотный маг наверняка сможет и так определить, лгу я или говорю правду.

– Верно, – кивнул ректор. – Себя ты и впрямь помнишь с того момента, когда очутился у дверей старины Парри. Это мы проверили в первую очередь, не сомневайся, Неясыть. И хочешь знать почему?

– Парри намекал мне о Тьме и Смерти, живущей на западе... – осторожно заметил Неясыть.

– Правильно. Тьма с запада и Смерть, живущая там же. Это не сказки и не выдумки, мой добрый студюзузус. Это, увы, наша жестокая реальность. Наш мир висит на тонкой-претонкой ниточке, и никто не ведает, в чьей власти перерезать её, либо подвязать рядом ещё одну. И вот поэтому ты, выбравший Тёмного, так интересен мне. Кое-кто думал, что ты – пришелец из западного края, что тебя послала Ночь, но я в это не верю. Будь Тьма сильнее нас, она давно бы затопила весь мир. Она не может сотворить ничего, что мы не смогли бы или понять, или преодолеть. Я исхожу из этого постулата. Ты – обычный парень, Неясыть, не без способностей, с большим гонором, но – обычный. Не льсти себе, будто ты – избранник. Ты никакой не избранник, ты самый обычный студюзузус, аколит моей Академии... Кстати, раз уж вспомнили – на какую кафедру Тёмный записал тебя?

– Кафедра некромантии, милорд ректор.

– А-а... разумно, вполне разумно. Некроманты нужны. У них хорошая, солидная работа и почти не бывает простоев. Люди, увы, смертны, а смерть – детище Тьмы, Неясыть, вот почему всегда будут нужны маги, умеющие упокоить неупокоенных... – Милорд ректор не заметил словесной неуклюжести. – Так что иди, учись. Не бойся ничего, эта парочка тебя больше не тронет. Я с них сейчас шкуры спущу. Собственно говоря, даже выгнать могу – устав-то нарушен!

– Но ведь ссору затеял я, милорд, – вновь напомнил Фесс.

– Забудь об этом, – махнул рукой ректор. – Просто не связывайся в следующий раз. Ступай, Неясыть. Нехорошо пропускать самые первые лекции.

* * *

Чёрный браслет Фесса заставлял всех остальных студюзузусов буквально разбегаться в разные стороны. Не отличавшиеся храбростью девушки даже визжали, шарахаясь от него так, словно увидели мышь. Ему не пришлось долго отыскивать себе место – стоило ему приостановиться около одного из рядов, как уже устроившиеся там аколиты бросились врассыпную, чуть ли не прыгая через высокие пюпитры.

Неясыть пожал плечами и устроился в дальнем углу.

Длинную и скучную, по его мнению, лекцию об общих принципах волшебства он пропустил мимо ушей, прекрасно понимая, что настоящая учёба будет проходить не здесь и не так. Читавший лекцию пожилой дородный чародей произносил заученные шутки, которые слышало и над которыми старательно, с угодливостью хихикало не одно поколение учеников, показывал простенькие магические фокусы – строил и разрушал красочные иллюзии – и при этом сыпал терминами типа: «великий живородящий поток», «отражения живородящей силы», «мыслеформы как следы потока магии в нас» и так далее. Старательные ученики записывали каждое слово мэтра как сумасшедшие. Перья так и скрипели, и Неясыти показалось, что от этого скрипа у него сейчас лопнет голова.

Когда лекция кончилась, он не задал ни одного вопроса, хотя остальные студюозусы всю тянули руки, памятуя, что каждому лектору приятно, когда после его выступления аудитория о чём-то спрашивает. Никому не хотелось покидать вожделенную Академию после первого же семестра.

Точно так же, в полном одиночестве, Фесс побрёл потом к ветхому зданию единственного здесь малефициста. Он не чувствовал себя сбитым с толку, он слишком мало знал об этом мире, но дремучее, как у дикого зверя, чутьё успело предупредить его – опасность! Милорд ректор далеко не так прост, как хочет казаться. Полуэльф с прилепившимся к нему Бахмутом – тоже куда как непросты. И все они в первый же день вцепились в него. Зачем им эти представления? Ненависть Эвенстайна порой казалась несколько наигранной; Бахмут уж слишком усердно изображал скудоумие и собачью преданность хозяину; что-то за всем этим крылось, и Фессу предстояло узнать, что же именно.

Тёмный ждал его в наскоро прибранном классе – правда, несколько странноватом классе, если стены были увешаны искусными гравюрами с изображениями каких-то обезображенных трупов и шагающих скелетов с кое-как связанными костями.

– Ну что ж, начнём, Неясыть? – Тёмный положил перед собой на кафедру увесистый чёрный том, украшенный рельефным серебряным черепом. Откинул мощные застёжки, открыл крышку переплёта. – Начнём? Вводный курс лекций из «Некромантии первого цикла»... Э, что с тобой, Неясыть?

Фесс коротко рассказал о случившемся. Почти слово в слово передал разговор с ректором. Тёмный выслушал его, не перебивая, только глаза зло сверкали жёлтым огнём.

– Они хотят переманить тебя на свою сторону, – желчно произнёс декан, когда Фесс умолк. – Постараются убедить тебя, мол, ты послан нам самим Светом, дабы стать оружием против Тьмы и Смерти... Тьфу! Уж сколько раз я говорил им – Тьма есть Тьма, а Смерть есть Смерть и смешивать эти два понятия так же глупо, как день с ночью. – Он безнадежно махнул когтистой лапой. – Да только куда там... Вот и будут теперь зудеть тебе в уши – мол, рассказывай нам всё, чему тебя учат, да что тебе Тёмный показывает, да не снюхался ли он втихомолку с западной Тьмой... А если ты поддашься, пылинки с тебя сдувать станут, чтобы только уговорить отправиться на запад. У них ещё никто оттуда не вернулся, все заклятья их гаснут, не дотягиваясь, – вот милорд ректор и лютует... Ну, да нас это касаться не должно. Беспокойные кладбища что ни месяц множатся...

– Милорд декан, – негромко спросил Неясыть, – но ведь вы должны были бы этому радоваться? Чем меньше ненавистных, отобравших мир у ваших сородичей Жзрцжю, – тем лучше?

Тёмный, казалось, смешался и несколько даже растерялся.

– Не знаю, – пробормотал он наконец, после продолжительного молчания. – Не знаю, Неясыть. Уж слишком долго я среди вас. Свыкся, сжился, понимаешь, а кроме того, нынешний путь моих сородичей... тех, что остались... – Он покрутил уродливой головой. – Мне он не слишком-то симпатичен.

– Они убивают людей? – проницательно спросил Фесс. Что-то это ему напоминало... что-то совсем недавнее... нет, не вспомнить.

– Если бы! – хмыкнул Тёмный. – Они ушли куда-то на восток и, как я слышал, тоже занялись чёрной магией, но их занесло куда-то не туда. Шептались, что они собираются сотворить какое-то чародейство и попросту спалить весь наш мир дотла, раз уж им не осталось в нём места.

– А ректор знает об этом?

– Раз знаю я, значит, наверняка знает и он, – хмыкнул Тёмный. – Он не умеет почти ничего из того, что умею я, однако прозвучавшие у него хорошие. Так что о делах восточных он, полагаю, наслышан. Смотри, Неясный, он может попытаться отправить... то есть уговорить тебя туда отправиться.

Фесс пожал плечами. – Меня не так-то легко уговорить, – заметил он.

Декан хмыкнул. Надо сказать, что его нечеловеческая гортань издавала при этом весьма странные звуки, более напоминающие хруст перемалываемых мощными челюстями костей.

– У Белого Совета всегда есть чем воздействовать на упрямцев, – продолжил Тёмный. – Маги нашего мира зависимы, Сила непостоянна, она...

– Она?.. – подхватил Фесс. Тёмный явно собирался что-то рассказать ему, но, похоже, стремился (безопасности ради, наверное) представить всё как случайную оговорку.

– Вам ещё будут читать природу Силы, – буркнул Тёмный. – Тебе пока рано это знать. Мне надо слишком многое тебе объяснить. Про ту же, – он потряс томом, из корешка посыпалась пыль, – про ту же некромантию.

Фесс отступил. Крючок заброшен, наживка проглочена; теперь Тёмный будет несколько дней просто наблюдать за ним – должно быть, на тот крайний случай, если новый ученик стремглав бросится к милорду ректору рассказывать об этом эпизоде.

Тёмный ещё раз строго взглянул на своего единственного слушателя, устроившегося за наскоро починенной скромной конторкой над раскрытым пергаментным журналом, и, глубоко вздохнув, заговорил. Он задавал себе вопросы и сам же на них отвечал.

– Что есть некромантия? Некромантия есть умение обращать свою силу на связь с отзвуками, сиречь с тенями усопших, равно как и с теми, кто не нашёл успокоения и чья плоть, понуждаемая порывами дикой силы, поднимается из могилы для мщенья всему белому свету...

Это цветистое вступление, наверное, должно было внушить студиязусу священный трепет перед предметом его изучения.

– Чем некромант отличается от, скажем, стихийного волшебника? Связанный с одним из Первоэлементов чародей вынужден постоянно поддерживать связь с трансформом своей силы, ибо черпать её он может только в стихии, которой посвящён или к которой обращается. Некромант же может рассчитывать только на ту силу, которую он умеет ощутить и направить. Но об этом тебе расскажут на факультете общего волшебства, мы же сейчас поговорим о том, почему некромантия является прерогативой чёрных магов. Основа основ, Неясыть, в этом ремесле – зло. Не абстрактное Зло с большой буквы из философских трактатов, а самое обычное, земное – причинение боли, например, тому, кто слабее тебя. Древние не зря такое большое внимание уделяли человеческим жертвоприношениям, ибо с их помощью можно осуществить поистине великие заветы; многие шаманы прошлого вошли в хроники именно благодаря тем гекатомбам жертв, которые они воздвигали ради осуществления своих замыслов. Без эманации страданий, мучений и страха живых существ некромант куда как слаб. Он должен уметь улавливать и ощущать эти эманации, он должен... гм... уметь вызывать их, поэтому мы с тобой позже займёмся ритуальными пытками. Ого, ты не вздрогнул? Хороший признак. Мне это нравится. – Тёмный зловеще ухмыльнулся. – Запомни, Неясыть, путь Тьмы – это свершение меньшего зла во имя предотвращения большего. Светлые этого не понимают. Хотя любой полководец, направляя передовой отряд в атаку, прекрасно знает, что девять из десяти в этом отряде погибнут, однако, если удар запасного полка решит исход дела в пользу этого полководца, кто станет укорять его, что он пожертвовал частью ради спасения целого?.. У тебя вопрос, Неясыть?

– Да, милорд. А если у полководца была возможность выиграть сражение одним только маневром, подкупом, дипломатией и тайными переговорами?

– Гм-м-м... аналогия понятна, Неясыть. Но она не совсем точна. В некромантии не может быть переговоров. Зомби и скелеты с беспокойного кладбища в переговоры не вступают. Они просто растерзают тех живых, что будут иметь глупость явиться к ним. Тебе нужно попросту уничтожить уже восставших мертвецов и навсегда успокоить само кладбище. Чувствуешь разницу?

– Да, милорд декан, – кивнул Фесс. – Но мне хотелось бы вернуться к различиям между некромантами и стихийными. Разве огонь, молния, водяной смерч или

давящие камни бессильны против тех же зомби или мумий или кто там будет шастать по беспокойному кладбищу?

– Хороший вопрос. – Тёмный одобрительно кивнул и быстро, но аккуратно перелистнул несколько пергаментных страниц. – Полюбуйся вот на это. Гравюра изображает...

Неясыть-Фесс склонился над книгой. На искусно выполненном волосяными линиями рисунке он увидел пасторального вида кладбище, старые каменные надгробия, утопающие в густой и высокой летней траве, раскидистые деревья с широкими пятипалыми листьями, склонившие ветви над старыми могилами, точно в знак скорби; небольшой каменный храм со знаком Спасителя на крыше – крест-накрест перечёркнутой стрелой, направленной ввысь; в отдалении виднелись маленькие домики.

Однако на этом пасторальность картины исчерпывалась. Часть могильных плит была перевёрнута и выворочена из земли; надгробия, наоборот, валялись опрокинутыми, многие были расколоты; посреди груд взрыхлённой земли, вскинув к небесам левую руку и указывая прямо вперёд зажатым в правой длинным посохом, стоял маг в светлом плаще; художнику удалось с большим искусством запечатлеть выражение губельного ужаса, отразившееся на его лице. И было от чего – из сгустившихся над головой чародея туч вырывалась ветвистая молния, ударяла в навершие посоха и, словно бы отразившись от него, оплетала своими извивами подступающую тёмную фигуру, обмотанную какими-то тряпками. Рядом с ней шагала другая фигура, плечи и голова её дымились, но, судя по кровожадному оскалу нечеловечески громадной пасти, этот дым, а вернее, его причина нисколько ей не вредила. За этими двумя фигурами к магу шагали ещё четыре или пять созданий с искажёнными алчным предвкушением чужой смерти лицами.

– «Фрегот Готлибский гибнет, поражая молниями оживших мертвецов на кладбище в Дирр-Энне, Северный Аркин, 1170 год от Пришествия», – прочёл Фесс подпись под рисунком.

– Вот именно, – подхватил Тёмный. – Фрегот был очень сильным магом. Магом воздуха, как ты понимаешь. Выдался тяжёлый год, чума, другие болезни, голод, люди вымирали целыми селениями, мор косил и эльфов, и гномов – а потом мертвецы возвращались, чтобы убивать ещё и ещё. Редко кто мог пройти мимо кладбища даже днём. Однако не хоронить мёртвых было нельзя – всё же на

кладбище, в освящённой именем Спасителя земле они не так буйствовали. Кое-кто попробовал сжигать трупы... потом мы так и не нашли даже следов тех деревень. А некромантов не было. Последний погиб много-много лет назад... от руки одного из столпов Белого Совета, кстати. Фрегот отправился на север, там бедствие уже превращалось в катастрофу, люди бежали на юг, кордоны имперцев ловили их и жгли живьём, боялись даже прикоснуться из-за заразы... Короче, Фрегот добрался только до Аркина. Несмотря на всю силу этого их Спасителя, там было скверно, очень скверно... – Погрузившись в воспоминания, Тёмный разительно переменялся. Глаза светились мягким золотистым пламенем, всегдашняя – пусть даже и едва заметная – гримаса боли исчезла. Глуховатым голосом декан продолжал рассказывать; Неясыть-Фесс заметил, что, несмотря на попытки сохранить невозмутимость, Тёмный волнуется. Это прошлое для него было до сих пор живо.

– Он добрался до деревеньки Дирр-Энна, в трёх днях пути от самого Святого города. Он собирался идти дальше – и ему следовало бы так поступить, тогда, по крайней мере, он погиб бы с большей пользой, – но местные обитатели упали ему в ноги, и он согласился успокоить их кладбище. Отправился туда... Он не признавал засад, только открытую схватку. Он воззвал к неупокоенным ... и они ответили. – Тёмный желчно усмехнулся. – Фреготу бы отступить, выманить их... а то и наставить бы ловушек... да только куда там. Он не согласился бы пустить в ход подобные уловки даже в поединке с ожившими мертвецами. Молнии, эманации чистой силы – вот было его оружие. И он пустил его в ход. – Тёмный покачал головой. – Разил направо и налево, да только прогнившие трупы горят очень плохо. Видишь этот дымок?.. Вот и все его усилия. Прежде чем он сообразил, в чём дело, его завалили и сожрали. Разодрали на мелкие кусочки, а посох изломали. Вот так-то. – Декан вздохнул. – Один из величайших Светлых магов, магов воздуха, погибает, разодранный какими-то тупоумными зомби, которых любой приличный некромант не подпустил бы к себе и на два полёта стрелы. Понял теперь, о чём я веду речь, Неясыть?..

– Понял, – отозвался Фесс. – Но, милорд...

– Не надо, – внезапно поморщившись, перебил его Тёмный. – Не зови меня «милордом». Это ваше, человечесье, имя. Точнее, прозвание. А ты, пожалуйста, зови меня Даэнур, Учитель по-нашему. Это на людской манер, приблизительно, конечно же...

Неясыть и сам понимал, что очень даже приблизительно.

– Хорошо... Учитель, но, если молнии были бессильны против зомби, неужели могущественный маг не мог пустить в ход какое-то иное волшебство? Например, обрушить на зомби камни или как-то ещё?

– В том-то и дело, что мог бы, – вздохнул Тёмный. – Но ему не хватило для этого времени. Он был... как бы это сказать... романтик молний, он упивался ими, он даже представить себе не мог, что его любимое оружие вдруг даст осечку, словно арбалет с промокшей тетивой. Он был силён, благороден, но... – Даэнур прищёлкнул длинными пальцами, – слишком уж благороден. Запомни это их качество, Неясыть, многие Светлые страдают от этого... страдают и частенько проигрывают. Потому что не умеют, когда надо, ударить в спину.

Воцарилась тишина. Фесс всё ещё продолжал внимательно разглядывать гравюру. В этом было что-то неправильное. Сильный маг воздуха, Фрегот не нашёл ничего лучше каких-то банальных молний!..

– А нынешний ректор?.. – осторожно спросил Неясыть.

– Что «нынешний ректор»?

– Он выстоял бы на месте Фрегота?

Тёмный помолчал, его глаза стали почти что чёрными.

– И снова хороший вопрос, Неясыть. Разумеется, наш милорд ректор бы выстоял. – Даэнур сделал выразительную паузу. – Ну что, продолжим занятие? Сегодня рассмотрим общие принципы и причины неупокоенности ...

* * *

Жизнь Фесса довольно-таки быстро вошла в размеренную колею. До полудня он слушал мэтров факультета общего волшебства, причём далеко не все лекции оказались так же скучны, как первая. Факультет этот, оказывается, занимался множеством интересных дел – составлением и уточнением карт, в частности, дальних восточных пределов, и Фесс с искренним удовольствием слушал немолодую уже волшебницу, глаза которой вспыхивали совершенно по-девичьи,

когда она начинала рассказывать о дальних странствиях и удивительных странах, что лежали далеко на юге и востоке. Её голос обретал какую-то магическую мягкость, свет в аудитории становился приглушённым, и над кафедрой всплывали яркие светящиеся картины – чужие моря, реки, города, звери, птицы...

– ... Если двинуться на восход от мекампских пределов и одолеть Великую Степь, что простирается на сорок дней конного пути, то там дорогу преградит тёмная река. Она выходит из-под земли, и до сих пор никто не видел её истока – потому что она берёт своё начало в пещере, из которой не вернулся ещё ни один, даже самый сильный маг...

Аколиты замирали в сладостном восторге, словно дети, слушающие страшную сказку.

– Наш Белый Совет пока что запрещает магам с посохом Академии предпринимать путешествия туда... С двух сторон вдоль реки тянутся болота, смертельно опасные для всего живого – там плодятся и множатся чудовища, подобно тому, как они множатся в Змеином лесу, но, в отличие от страхов Змеиного леса, болота Тёмной реки окружены тайной, ибо там нет пищи для такой армады гадов. Время от времени они вырываются из своих гнездилищ, атакуя расположенные на востоке поселения... Вы спросите, почему они никогда не идут на запад? Потому что сил Белого Совета хватило поставить непроницаемую завесу. Но, увы, даже весь Белый Совет, объединившись, не смог уничтожить это кошмарное логово. Быть может, это дело падёт на ваши плечи, друзья мои...

А на восточном берегу, сразу за Тёмными болотами, стоит Зачарованный лес. Он чуть поменьше хорошо известного вам Вечного, однако тоже обитаем. Эльфы Восхода, царственная ветвь этого народа, живут там. Увы, мы не нашли с ними общего языка, в отличие от того, как это произошло с их сородичами в Нарне и Вечном лесу, благодаря чему эльфы теперь учатся здесь, в нашей Академии, наравне с людьми. Тамошние эльфы в постоянной войне с окрестными обитателями. К северу же от Зачарованного леса простирается Волчье море, его берега пустынные и холодны... Что? Вопрос?.. Ах, куда впадает Тёмная река... На наше счастье, мой добрый эльф, она никуда не впадает. Исчезает в месте, которое мы зовем Чёрной Ямой – самым опасным местом на всём пути до края Восходного океана... Почему люди не уходят из тех мест? Как и на границе Змеиных лесов, они живут рискованным промыслом – трапперством,

выслеживают и убивают обитателей Тёмных болот. Шкуры, рога, когти, кости, яд этих тварей высоко ценятся и на западе, и на востоке, а удачливый купец может удешевить состояние, если ему удастся продать закупленный на берегах реки товар где-нибудь на рынках Правой илилевой Клешией... То же самое, кстати, имеет место на границе Кинта со Змеиными лесами, но тамошние звери менее ценны...

Мэтр говорила и о чудесных островах далеко-далеко в южном море, куда отправляются для вечного покоя уставшие от тревог и смут этого мира старые маги; о суровых, иссечённых ветрами, источенных льдом скалах на Волчьих островах – орки приносят к заледенелым подножиям своих отпрысков, едва те научатся ползать, и испытывают их: тех, кто не сможет ползти по льдистому скату, безжалостно бросают в серые волны Моря Ветров.

...Гоблины Золотых гор, что в пяти днях пути к юго-востоку от Тёмной реки, славны тем, что каждый год отбирают из своего племени десять худших бойцов и заставляют их сражаться друг с другом, пока в живых не останется только один, которому и позволяют жить дальше; раненых просто добьют. Гоблины верят, что таким образом их племя избавляется от трусов и малодушных, и, надо сказать, в бою они очень опасные противники, решительные, бесстрашные и беспощадные.

...А на южных рубежах Вечного леса, на самой границе с Мекампом, живёт далеко не тихий и не мирный народ половинчиков, как можно было подумать, исходя из их роста – мастеров засад и ловушек, отличных пращников и стрелков из лука. Они известны враждой с эльфами Вечного леса и благодаря своей воинственности и ловкости часто тревожат лесных властителей набегами, пуще всего охотясь за нежными эльфийскими девами, в результате чего те, к нашему прискорбию, частенько попадают на рабские рынки даже самой просвещённой Империи Эбин...

...А в сумрачном Салладоре, где солнце горячо, а подступающие к самому морю пески жадно выпивают влагу из проносящихся над ними ветров, существует обычай, по которому при вступлении на трон нового правителя в жертву Неведомым приносятся по триста тридцать три девушки всех известных в этом мире рас. Салладор богат, быстрые реки несут с Восточной Стены крупницы красного золота, обитатели оазисов выращивают по четыре урожая в год, и царские усекновители, сиречь смотрители над палаческими игрищами, постоянно толкуются на рабских рынках разбойного Кинта Дальнего или не

признающего никаких законов, кроме собственной выгоды, Семиградья. А в Кинте Ближнем, владеющем благодатной Аррасской равниной, любой, приписной, кабальный, земельный серв, дворовый холоп, монастырский тяглец, завсегдаятай долговой ямы или даже раб, в том числе и беглый – любой, кто захочет вступить в ряды наёмного полка Белых Слонов, тут же получает полное прощение и грамоту подданства Великого Кинта, родись он хоть на самом Утонувшем Крабе...

Однако как только речь заходила об этих трёх крупнейших островах в западном океане, так точные и достоверные сведения сменялись устаревшими догадками. Империя (или царство) Клешной, распространившая свою власть на Правую и Левую Клешни, была не столь закрыта от чужестранцев, как сам остров Краба, однако посланцы Академии давно перестали быть там желанными гостями. Мало кто сомневался, что Клешни готовятся к войне. Все гадали: кто же станет первой жертвой – разгульная вольница Кинта Дальнего или самодовольное купеческое Семиградье? Правда, кое-какие безумцы из числа лишившихся от чрезмерной учёности волос адептов десятого факультета, факультета пограничной магии, «глобалистов», как поименовал их Парри, – кое-какие безумцы из их числа утверждали, что Клешни сперва покончат с морскими находниками Волчьих островов, воспользовавшись вечными распрями между людьми, гоблинами, орками, ограми и прочими обитателями этой суровой земли, обезопасив таким образом свой фланг, после чего Семиградье окажется «в стратегическом окружении» и враги смогут высадиться вообще где-нибудь восточнее, например у подножий Железного Хребта...

И ещё, описывая южные пределы, к востоку от границ надменного Салладора, мэтры-землеописатели скупко, не слишком охотно упоминали Волшебный Двор. О нет, знание о нём не было тайным, закрытым, запретным – напротив, об этом говорили только-только начавшим учиться аколитам первого года.

Волшебный Двор был крепостью Светлых магов в далёких восточных землях. То были опасные края – не так далеко до Реки, да и вообще... не стоит оставлять богатые живородящей силой земли без присмотра. Насколько сумел понять Фесс, жившие там чародеи ни в чем не уступали силой магам Академии, правда, в отличие от своих западных коллег они никого и ничему не учили. Волшебным Двором правила великая чародейка Мегана, и, по слухам, с ней остерегался связываться даже сам милорд ректор...

Фесс жадно впитывал все эти истории. Мир, куда он попал, был суров, полон опасностей, здесь хватало укромных уголков, куда ни разу не ступала нога человека, эльфа или гнома; и душа звала, она томилась в тесном уютном уголке Академии; хотелось выйти на улицу, вдохнуть полной грудью тёплый ветер – и в путь, сперва в порт, а оттуда – в любой конец земли, хоть к самым восточным пределам!

Пожалуй, это было едва ли не единственной отдушиной Фесса. Ни одна живая душа во всей Академии не согласилась бы просто поздороваться с ним, хотя бы кивком головы; чёрный браслет, который он носил не снимая, вызывал трепет и ужас, причём не только у аколитов. Ученики могли свободно ходить в город, Ордос славился своими увеселительными заведениями, несмотря на все усилия Святого Престола, маги упорно не желали прибегать к аскезе и умерщвлять свою плоть. И даже маги-священники, что преподавали в Академии, любили возблагодарить Создателя, сидя за обильно накрытым столом в каком-нибудь уважаемом питейном заведении неподалеку от площади Чёрного камня. Как-то раз Неясыть зашёл туда – просто ради интереса, и, как нарочно, попал на шумную пирушку священного факультета.

– Мир сей сотворён для радости, а не для печали, – витийствовал, встав на пивной бочонок, толстый мэтр в коричневой монашеской сутане. – Создатель привнёс в мир плоды земные и рек – наслаждайтесь и радуйтесь, восхваляя Моё имя! Великий грех отвергать его дары, не так ли, уважаемые коллеги?..

Ему ответили смехом и аплодисментами согласия.

Здесь, в вольном Ордосе, защищённом от всех земных владык мощью магов Академии, можно было не бояться даже самого Святого Престола – Инквизиции не было хода в пределы стен древней крепости.

Инквизиция... Несмотря ни на что, даже в Ордосе это слово произносили со страхом. Город купцов и корабельщиков во многом жил торговлей; а во всех иных странах вокруг Моря Надежд и Моря Призраков Святая Инквизиция была куда как сильна. Ее цепкие пальцы дотягивались даже до Империи Клешной; ибо тамошние обитатели тоже веровали в Спасителя и признавали Святой Престол в Аркине; Фесс полагал, что только это, да ещё и мощь Академии пока ещё сдерживали молодую хищную державу от стремительного броска на восток.

Инквизиция одновременно и притягивала и отталкивала Фесса. Притягивала – потому что во многом напоминала тайный орден. Отталкивала – из-за тех методов, которыми пользовалась, несмотря на то что сам он принадлежал к факультету злодеяния.

Официально Святая Инквизиция занималась, как и положено, борьбой с ересями, кои, несмотря на все усилия аркинской курии, плодились что ни день. Отпадение народа от Истинной Веры в Спасителя означало, что и Спаситель отвернётся от когда-то сохранённого Его кровью мира, и тогда неминуемо наступит конец времён. Соответственно, ересиархи подлежали немедленному и безусловному уничтожению.

Правда, сами еретики думали по-иному, называя Святой Престол обителью разврата, где отцы-настоятели не пропустят ни одного молодого послушника, в святых текстах полно дописок, искажений и исправлений, Церковь отошла от пути Спасителя и соответственно сама ведёт народ к гибели. Тёмный рассказывал, что, случалось, целые деревни и города принимали стороны ересиархов, и тогда вспыхивали Войны Веры, куда более страшные, чем все нападения морских удальцов, вторжения номадов или обитателей Змеиных лесов. Об этих войнах на факультете общего волшебства говорили неохотно и сквозь зубы, толкуя о «насланном Тьмой помешательстве».

– Тогда в кладбища обратились целые города, – рассказывал Тёмный. – Я помню... ректор – не этот, а предыдущий, большой приятель Фрегота Готлибского, между прочим, – так вот, тот ректор упросил меня отправиться с ним в Семиградье, где бушевала Третья Война Веры, Север полуострова, где угнездилась ересь, против Юга, который остался верен Святому Престолу. Так вот, еретики, захватив власть, почему-то не стали упразднить Инквизицию, хотя претерпели от неё немало – до тех пор, пока им не удалось овладеть всем северным побережьем. А когда они им овладели, выяснилось, что без Инквизиции никак не обойтись, – потому что кто же будет вылавливать оставшихся в больших городах приверженцев Аркина? – Тёмный усмехнулся. – И те и другие только и знали, что твердили о «спасении малых сих», торжественно целовали перечёркнутую стрелу и молились. А отцы-инквизиторы продолжали работать – методично, деловито, без криков и паники. Делали своё дело – и, заметь, делали его очень хорошо. На Юге схваченного еретика бросали в змеиный садок. Очень поучительное зрелище, скажу я тебе. На Севере предпочитали дробление. А вожаки ересиархов – как правило, они все в той или иной степени владели даром священной магии, магии Спасителя – не давали

несчастному умереть слишком быстро, даже когда ему тисками размалывали ноги до бёдер и руки по самые плечи. Городские окраины покрывались невиданными лесами – лесами виселиц, ибо тех, кого следовало казнить, оказывалось слишком много. – У Тёмного зло дёрнулась чешуйчатая щека – признак сильнейшего гнева. – Когда северяне поняли, что проигрывают войну, они послали за наёмниками с Волчьих островов и из Лесных Кантонов. Слышал о них?..

– О вояках с островов – конечно, а...

– Ну да, о Лесных Кантонах в лекциях землеописателей будет говориться под конец. Ничем не примечательная область возле западного края Железного Хребта. Леса, быстрые речушки... места для полей мало, рудных жил нет, охота небогатая. Но живущий там народ – лучшие алебардисты и арбалетчики во всём свете. Да, они служат за деньги, но у них есть свой своеобразный кодекс чести. Так, например, они никогда не сражаются друг с другом. И никогда не изменяют наёмщику – до той поры, пока он платит. Даже если враг предложит вдесятеро больше – такие случаи бывали... Так вот, северяне наняли алебардитов и стрелков, с Волчьих островов приплыли морры и орки; на Кленовой равнине север разбил ополчения южан, армии ересиархов дошли до Моря Надежд, штурмом взяли Абардим... Клянусь вечной Ночью, Неясыть, в городе после этого не осталось ни одного живого человека! Ни одного!.. Я никогда не думал, что кровь действительно способна течь по улицам, словно дождевая вода. После этого сражения Кантоны отвернулись от Севера. Они разорвали договор и вернули деньги. Все, до последнего золотого, не оставив себе даже обычного в таком случае «выкупа мёртвых». И после этого ушли. С боем. А вместе с ними ушли орки. Эти, правда, денег не вернули. – Даэнур хрипло рассмеялся. – А потом пришли имперские корпуса вместе со Стражами Аркина, и дело Севера оказалось проиграно. Три города на берегу Моря Ветров были обращены в ничто. Потребовался целый век, чтобы они возродились...

Фесс медленно поднял пальцы к вискам. Слова учителя оказывали странное, какое-то почти магическое действие, словно Даэнур изо всех сил стремился подвести своего ученика к какому-то необычайно важному выводу.

– Учитель... а в каком году это было?

Даэнур не ответил, только глаза его остро блеснули.

– Я должен ответить сам... Тысяча сто семьдесят четвёртый или пятый от Пришествия, основание Школы Тьмы Эвенгаром Салладорским!

– Правильно, Неясыть. – Голос Тёмного был едва слышен, глаза нестерпимо ярко горели. – Эвенгар был моим первым учеником из рода людей. Его прозвали Салладорским, но родился он в Эгесте, откуда его семья потом переместилась в Семиградье. На север. Он, в отличие от других своих сородичей, не впал в ересь. А когда увидел, что творят оставшиеся верными Святому Престолу, отвернулся и от него. Нашёл меня. Я был потрясён – никто ещё не обучался с такой скоростью. Академию – всю! – он одолел за шесть месяцев. Потом... потом ему пришлось бежать на восток. За один год – за один год! – он сделал всё. У него почти не было способностей, одна только ненависть. Однако даже этого хватило, чтобы стать одним из самых знаменитых Чёрных магов.

Разговор, начавшийся со Святой Инквизиции, как-то незаметно свернул на совсем другие вещи – это был излюбленный приём Тёмного, когда он чему-то учил Неясыть-Фесса.

– Трактат «О сущности инобытия» он написал за три месяца. Я не знаю, как ему это удалось. Он не ел, не пил и не спал. И не пользовался никакими источниками, не списывал ничего у древних. Он просто ставил опыты. С Тьмой. И, разумеется, ставил он их над самим собой. Как ты знаешь, после этого книгу сожгли. Инквизиция гонялась за списками по всему свету. – Он ехидно и зло растянул зубы в кривой усмешке. – Да только зря. О да, святые отцы сожгли многое, очень многое. Да только не всё. Кое-что уцелело.

– Здесь, у вас? – тотчас спросил Неясыть.

– За кого ты меня принимаешь? – возмутился Даэнур. – Неужели я буду настолько глуп, что стану хранить здесь, в Академии, хоть что-то запрещённое?

– Но у вас, учитель, у вас же есть и трактаты о пытках, и о ритуальном мучительстве, о жертвоприношениях, о...

– По сравнению с трактатом Салладорца, – сухо отрезал Тёмный, – всё это не более чем детские страшилки.

Фесс невольно поёжился. Что же такого сумел написать этот Эвенгар!

– О том, как сделать себя частью Тьмы, ученик. О том, как жить вечно, отказавшись от себя – частицей исполинского, на всю вселенную раскинувшего океана. Не видеть, не слышать, не осязать – но при этом знать всё.

– Это... это... – задохнулся Фесс.

– Ты схватываешь всё на лету, мой мальчик. Да, ты прав, Эвенгар открыл формулу бессмертия. Маги живут долго, но они – отнюдь не бессмертны. Рано или поздно их сила истаивает и они гибнут. Так вот! – Фессу показалось, что мрак вспороли две жёлтые молнии, вырвавшиеся из глаз Тёмного. – Эвенгар доказал, что Свет бессмертия дать не способен. Только Тьма. Естественно, этого ему простить не могли. Его выследили... неудивительно, поскольку на это брошена была вся Инквизиция, – однако ловцам не досталось и трупа. Я не знаю, что там произошло в деталях, но думаю, что Салладорец просто привёл в действие составленные им самим заклятья. И ушёл. Они даже могли подумать, что убили его. Полагаю, он каким-то образом убедил их в этом, потому что охота прекратилась. Да и я... – Тёмный вздохнул, – я тоже понял, что его нет в живых. Перестал ощущать его. Однако в самые тёмные ночи, зимой... – голос Даэнура упал до шёпота, – мне кажется, я слышу его зов. Он... он счастлив. И хочет, чтобы я, его наставник, тоже присоединился к нему. И, как знать, быть может, в один прекрасный день я и впрямь увижу его и наконец-то расспрошу, как ему тогда удалось достичь всего этого.

«А я бы не присоединился. Никогда», – подумал про себя Фесс.

– В общем, этот трактат считается уничтоженным. Ты не найдёшь его нигде, скажу больше – его поиски могут оказаться губительными. Когда Салладорца... когда Салладорец ушёл, многие из его последователей держались ещё почти целый век – до тех пор, пока последние копии трактата не попали в руки Инквизиции. Но ещё много лет спустя само название «О сущности инобытия» служило отличной приманкой. На неё ловили недовольных, тех, кто попытался идти своим путём.

– Нашим путём? – с нажимом спросил Фесс.

– Да. – Жёлтые глаза на миг опустились. – Путём Ночи, под невидимыми для прочих звёздами.

«Понятно, – подумал Фесс. – Наживка для любопытных – но, если хватать всех, кто потянется к трактату, зачем вообще нужен факультет?»

Чуть поколебавшись, он повторил это вслух.

– Они хотят приручить Тьму, Неясыть. Они страшатся её, но, как умные люди, пытаются противопоставить ей знание. Мы изучаем Мрак, а они изучают нас. Разве ты не понял ещё, что каждый твой шаг становится известен милорду ректору?

– Понял, и давно, – сухо заметил Неясыть. – Только, по-моему, толку им от этого немного.

– Я тоже так думаю, – кивнул Тёмный. – Кстати, Неясыть, если б даже у меня и был здесь трактат Салладорца, читать его тебе ещё рано.

Фесс удивленно вскинул брови.

– Рано? Не думал, что к знанию применимо это слово. Я могу не понять, но...

– В том-то и дело, – медленно сказал Даэнур, – что ты как раз всё и поймёшь. И можешь захотеть... уйти. У тебя сильный и редкий дар, ты прирождённый маг, ты смог бы воплотить в жизнь рецепты и прописи Салладорца, но...

– Оставил бы тебя без ученика?

– Да, – кивнул декан. – Прости, Неясыть, но судьба не для того послала тебя мне, чтобы ты превращался в микрочастицу Великого Мрака!

– Вы верите в судьбу, наставник?

– Не слишком, Неясыть, не слишком. Просто я очень уж долго прожил среди людей. Поневоле перенимаешь вашу речь... А в судьбу я не верю. Впрочем, непохоже, чтобы в неё верил и милорд ректор. Ты заметил, что среди мэтров – не говоря уж о деканах – нет ни одного астролога или предсказателя?

Фесс кивнул. Разговор вился прихотливой нитью, ныряя то вправо, то влево, сплетая удивительный узор, по которому, словно по книге, можно было читать творимую прямо сейчас историю этого мира.

– Так вот, – Тёмный склонился к самому уху Фесса, – милорд ректор считает, что никаких пророчеств быть не может. Можно предсказать, что, если уронить камень, он упадёт наземь, не больше. А всякие там великие и грозные пророчества – мол, не больше чем сказки, которыми раньше жрецы-язычники пугали тёмных людей. Правда, есть так называемые «Анналы Тьмы»... в них милорд ректор верит. Но – не больше. Не больше, – с нажимом повторил Тёмный, так, словно хотел, чтобы Неясыть-Фесс покрепче запомнил его слова.

Фесс запомнил. Накрепко.

* * *

Среди всех прочих разношёрстных волшебников, обретавшихся на факультете общего волшебства, хронисты оказались, наверное, самой тихой и нетребовательной кафедрой, несмотря на то что магам знание истории необходимо было как воздух. И лекции походили скорее на байки, что рассказывают друг другу путники, которым случилось скоротать вместе ночь у походного костра.

Фесс узнал о времени, когда сюда пришли все нынешние расы и народы. Откуда они взялись, оставалось для магов Академии вечной загадкой – по промыслу ли Спасителя или же существует и в самом деле великая совокупность иных миров? Выдвигались веские аргументы в пользу как одной, так и другой версий.

Древняя история была полна, как и положено, войн, крови, предательства и мук. Иначе, наверное, и не бывает, когда зачастую единственный способ выжить – это убить и отобрать. Трудно судить древних за дикость, говорили хронисты. Мы сами, нынешние, вроде бы покончившие со всеобщими войнами, когда, бывало, весь мир вцеплялся друг другу в глотку, мы ничем не лучше. Частые смуты в Эгете. Семиградье то и дело воюет с пиратами Волчьих островов, Мекамп с Салладором искоса смотрят друг на друга, и вдоль границы нет-нет да и вспыхивают кровопролитные схватки; восточные номады вторгаются в пределы того же Мекампа или, перевалив через горные рубежи Салладора, предают огню его цветущие оазисы; раньше всю пылала междуусобица на Правой илевой

Клешнях, пока новоявленное царство не положило этому конец.

Неясыть-Фесс узнавал о древних державах, что порой ухитрялись объединить под одним скипетром всю ведомую Ойкумену; то эльфы, бывало, вырывались из своих любимых лесов и докатывались до самых берегов западного Моря Клешней, подчиняя Корню и Кроне всю область будущего Семиградья; то номады, захватив всё вокруг Моря Призраков, вторгались в Эгест и Аркин, штурмуя стены самого Эбина; войны сменялись краткими мирными передышками, кочевники отступали, утихомиривались эльфы, гордо уходили на север орки и гоблины, и какое-то время каждый владел только своим – до той поры, пока кому-то это не надоедало. И тогда всё начиналось снова – нескончаемый круговорот войны, жестокого и бездушного вечного двигателя, который тем не менее, по мнению хронистов, помогал выковать тех, кто не согнётся даже перед самой Тьмой.

Впрочем, Фессу это казалось красивым преувеличением.

О Западной же Тьме никто не говорил ни слова – так, будто её и не было.

Покончив с обязательными занятиями, Неясыть возвращался обратно, в ветхое здание факультета Тьмы, и декан, вздыхая и жалуясь на скупость Белого Совета, отобравшего все мало-мальски значимые артефакты Тёмных и не дающего денег для покупки трупов (а то на чём же практиковаться начинающему некроманту?), продолжал растолковывать ему азы тёмной науки.

– Ты должен накрепко запомнить имена всех Тёмных Сил, – наставительно подняв палец, с важным видом говорил Фессу Даэнур. – Обращаясь к ним, мы черпаем мощь, мы...

– Но если есть Спаситель, откуда же Тёмные Силы? – удивлялся Фесс. И поражался ещё больше, узнавая о странном дуализме, о том, что в этом мире действуют не только Западная Тьма и обитающий где-то в иномировых эмпиреях Спаситель, но и целые рои богов и божков рангом поменьше, которым тоже поклоняются, поскольку Спаситель заповедал: «Веруйте в меня, но не противьтесь сильному». Теологи давно уже истолковали это как необходимость задобрить (если уж нет возможности уничтожить) тех Бесплотных, что имели достаточно власти вредить людям и противостоять Белому Совету. Всех их следовало знать наизусть, но особенно почитались первые шесть, Великая

Шестёрка, шесть тёмных властителей – Дарра, обвивающая Тьмой, властвующая на перекрёстках дорог, Аххи, хозяин горных пещер, Сиррин, повелитель полярных ночей, Зенда, владычица Долины смерти на границе Салладора и восточной пустыни, Шаадан, обитающий в глубине Моря Ветров, и, наконец, Уккарон, владыка Чёрной Ямы... – монотонным голосом твердил наставник Фессу.

– Чёрной Ямы? Это та, что на востоке, куда изливается Тёмная река? – тотчас спросил Неясыть.

– Верно, – кивнул декан. – Вижу, наши странники даром время не теряют. Но Уккарона с трудом можно назвать личностью – скорее, это просто полуразумная сущность, установить с которой контакт очень трудно даже опытному магу. Собственно, таковы же и все остальные персонификации Сил...

– А почему они вообще способны действовать? Что поддерживает их существование? – настойчиво допытывался Фесс.

– Гм! – Декан строго посмотрел на него. – Вновь замечу, что ты задаёшь очень хорошие вопросы, Неясыть. Да, ты прав, с точки зрения классической теории это – абсурд, ибо не являющаяся личностью сущность не может воспринимать Силу, неважно, из какого именно источника или посредством какой именно стихии. Все чудовища, если ты заметил, в той или иной степени полуразумны, с ними даже можно вступить в переговоры, а вот потолковать с Уккароном тебе не удастся. Ты можешь только позаимствовать часть его мощи, не более... Ну что ж, Неясыть, первое правило Наставника гласит – отвечай на вопросы Ученика, сколько бы несвоевременными они тебе ни казались. С завтрашнего дня начнём заниматься теорией Силы, как я это понимаю, а пока что... Итак, изложи мне, пожалуйста, общие причины возникновения неуспокоенности ...

* * *

Общие причины сменялись частными следствиями. Ближе к зиме, когда хронистов и странников на факультете общего волшебства сменили мэтры теории заклятий, Фесс и Даэнур вплотную подошли к самой черте, за которой вновь лежали запретные знания.

За это время Неясыть если кем и обзавёлся, так это врагами. Студиозусы по-прежнему сторонились его, и он платил им той же монетой. Полуэльф с Бахмутом то и дело попадались ему на глаза, Эвенстайн глумливо ухмылялся, конопатый Бахмут корчил простодушно-идиотские рожи, однако они ни разу не подошли к нему и не сказали ни одного слова. Очевидно, наказ милорда ректора ещё действовал.

По вечерам, когда всходила луна, Фесс шёл во двор и там до изнеможения заставлял работать своё тело, пытаясь восстановить прежнее умение, но, увы, по мере того как росло его мастерство в плетении заклятий и управлении Силой, всё хуже повиновались собственные мышцы. Тёмный, узнав об этом, лишь сочувственно покачал головой.

– Здесь тебе никто не поможет, Неясыть. Вы, люди, так уж устроены, что можете вместить только один талант или один дар. В тебе – Тёмный дар, и прочему уже не хватает места.

– Это почему же? – искренне поразился Фесс. – А как же...

– Разумеется, есть художники, прекрасно слагающие оды, или ювелиры – непревзойденные стрелки, – кивнул Тёмный. – Но с нами, магами, всё не так, увы. Я с лёгкостью выйду против любого... ну, или почти любого мага, но вот на дуэли против опытного, хотя и ничем не выдающегося мечника шансов у меня почти нет. И у тебя не будет тоже, привыкай к этой мысли. Наше оружие – не от этого тварного мира, Неясыть. Пока этого не поймёшь – не станешь настоящим магом, друг мой.

Фесс раздосадованно опустил голову. Он не мог ошибиться, ремесло боя когда-то было ему привычно – твои руки, твое оружие, которое у тебя отбирают последним, зачастую выручат там, где спасует магия. Но отступить было уже поздно.

Общая классификация неупокоенных сменилась начальными принципами работы с ними, опять же самыми общими. Неясыть с Тёмным проводили долгие часы в медитации: они обращались к Тьме. Тьма, сгустившаяся на западе, непроницаемая для магического зрения адептов Белого Совета, она служила тем маяком, ориентируясь по которому они могли воспринимать Силу.

И всё-таки слишком многое оставалось непонятым. Почему первая же классификация заклятий, приведённая на факультете общего волшебства, имела специальную градацию – «исполнимость в зависимости от места»? Это относилось лишь к самым мощным, заклятиям седьмого ряда, их насчитывалось едва ли полдюжины – но, например, заклятие воздушного замка можно было исполнить только в Семиградье, Эбине, герцогствах Изгиба, на северном побережье Кинта Ближнего и восточном – Кинта Дальнего. Заклятие подземного копья – только на Волчьих островах, в остальных местах нечего было даже пытаться. В Мекампе и Салладоре хорошо работали чары огненной петли (при удаче начисто сносит стены города), а вот вызвать там водяной смерч не смог бы даже сам милорд ректор, для этого лучше подошли бы окрестности Железного Хребта, Нарн, Эгест и Вечный лес.

Всю зиму, помимо основных занятий, Фесс корпел над картой известной Ойкумены. Когда вовсю расцвели сады и истомлённые зубрёжками студиясы затрепетали в ожидании переводных испытаний, Неясыть пришёл к декану.

Позади остались зомби, скелеты, мумии, способы мумификации, общая теория пыток, первичное плетение заклятий упокоения и многое другое. Тёмный мог гордиться своим учеником. За всю зиму Фесс ни разу не омочил губ в пиве, не говоря уж о том, чтобы провести время с девушкой.

Неясыть разложил перед деканом испещрённую его пометками карту.

– Вот, учитель.

– Что это? – Тёмный мельком взглянул на алые, синие, чёрные и жёлтые эллипсы, густо покрывавшие карту. – А-а... то-то я смотрю, над чем ты так гнёшься вечерами... Успокойся, Неясыть, через это все проходят. – Даэнур неожиданно усмехнулся. – Это значит, что ты поистине достоин не второго, а сразу третьего курса. Ты добрался до теории полюсов. Каждый здравомыслящий ученик рано или поздно приносит своему наставнику такую карту... и по этому можно судить, кем он окончит свои дни – мэтром, магистром, деканом или же деревенским костоправом, всё требуемое от которого волшебство состоит в истреблении крыс или вызове дождя. Разумеется, это бросается в глаза, не может не броситься. Почему некоторые заклятия действуют в некоем месте сильнее или слабей, чем в ином? Недалёкие умы довольствуются примитивным объяснением типа следов влияния древних артефактов, или воли Спасителя, или козней Тьмы. Но тебе я всего этого говорить не стану. Ты всё сделал верно. И мой тебе совет – на

каникулах сходи к одному из тех мест сам.

Тёмный загадочно улыбнулся, и Фесс воздержался от уже готового сорваться с языка вопроса: «А почему вы не хотите сами сказать мне этого, учитель?»

Вечером того же дня Фесс сидел на крыльце факультета. Завтра предстояли испытания, однако он не сомневался в исходе. Если всё будет честно, он пройдет. Пусть волнуются другие, едва-едва освоившие самые простые магические действия.

Слова Даэнура не выходили у Неясыти-Фесса из головы. Ну да, он провёл здесь уже больше года, много чему научился и теперь, пожалуй, справится с парой-тройкой неуязвимых для обычного оружия неупокоенных. Но дальше, что дальше? Он узнает ещё многое о бестиарии этого мира, о его древней магии, об амулетах и оберегах, о магических свойствах некоторых камней и растений, познает тайны простых превращений на занятиях у алхимиков... всё это, конечно, хорошо, но ему-то, Фессу, отнюдь не Неясыти, нужно гораздо больше! Ему нужно понять, откуда он сам и как тут появился, а не заниматься пожизненным упокоением взбунтовавшихся мертвецов на местных кладбищах.

«Декан был прав, – подумалось Фессу. – Нужно идти к одному из тех мест, что отмечены на моей карте большими красными крестами. Их не так мало, и это – не точка, большинство из них – по четыре-пять дней пути в поперечнике, и, как правило, все до единого – в диких, гористых местностях. Даже самый ближайший крест – на восточном берегу Изгиба – расположился в невысоких, но почти что непроходимых Козьих горах, с очень крутыми скальными склонами и узкими долинами, целиком заросшими колючим кустарником. Правда, посреди всего этого безобразия возвышается величественный конус увенчанной снежным шлемом Королевской горы... Так прямо и хочется отправиться туда, не мудрствуя лукаво».

...И всё-таки почему Тёмный молчит?..

– Не спится, крыса? – вдруг послышался из сумрака ехидный голос. Фесс невольно вздрогнул – так и есть, та самая парочка, полуэльф с Бахмутом!..

За зиму конопатый силач, казалось, ещё больше раздался в плечах. Эльф же, напротив, как будто бы высох, щёки ввалились, глаза лихорадочно блестели.

– Привет, ребята, – как ни в чем не бывало бросил Неясыть, и неважно, что в душе при этом клокотала жгучая, обжигающая ненависть. Он не забыл тёплой вонючей струйки на лице. Он вообще ничего не забывал в этом мире. Долги следовало отдавать как можно быстрее.

– Надо же, – глумливо удивился полуэльф. – Разговаривает!.. С нами – и разговаривает! Небывалое дело, правда, Бахмут?

– Истинно так, господарь Эвенстайн, истинно так, – поспешно закивал веснушчатый аколит.

Фесс промолчал. Они сами пришли к нему, значит, им от него что-то нужно. За зиму и весну он хорошо изучил самого себя, все слабые и сильные стороны; второй раз он не попадётся в ловушку собственного призрачного умения.

– Ладно, крыса, – со внезапной серьёзностью сказал Эвенстайн. – Поговорим.

– Разве крысы разговаривают? – невозмутимо поинтересовался Фесс.

Ничуть не опасаясь, полуэльф шагнул вперёд, одним движением оказавшись рядом с Фессом. Поставил ногу в потёртом сапоге на ступеньку, нагнулся – близко-близко оказались нечеловеческие, какие-то словно бы кошачьи глаза.

– Конечно, – негромко сказал Эвенстайн голосом умудрённого годами мужа, но никак не пятнадцатилетнего мальчишки, которому в этом возрасте положено мечтать в основном о девчонках. – Разве ты не знаешь? В Змеиных лесах полно говорящих крыс. Очень, знаешь ли, похожих на тебя.

Неясыть в душе Фесса взыграл. Одним движением Фесс сгрёб наглого полуэльфишку за грудки... и тотчас со стоном выпустил – тот резко нагнулся, прижимая к себе руку Неясыти, словно величайшую драгоценность, и заломленное запястье тотчас отозвалось острой вспышкой боли. Приём был донельзя примитивен, однако Фесс попался на него, точно сопливый новичок.

– Тихо! – прошипел Эвенстайн прямо в ухо Неясыти. – Ты расскажешь мне всё сам или...

Над головой Фесса раздалось сопение – Бахмут надвинулся вплотную. Похоже, что на выросшего при дворе полуэльфа-бастарда принцип «одного дара» не распространялся. Не задумываясь более ни одного мига, Неясыть ударил – сплетшимся словно само собой заклятием, из начального арсенала «умиротворителей». Самым простым, однако на сей раз уже Эвенстайна опрокинуло и протащило спиной по камням, изодрав в клочья нарядный плащ. В плечи Фесса вцепились было руки Бахмута, однако Неясыть, не мешкая и опять же бесхитростно, двинул его локтем в пах.

– Ой-о-о-о... – проскулил конопатый и, согнувшись, повалился на ступени.

– Ну что, хватит с вас, сосунки? – как можно более обидным тоном медленно произнёс Фесс, встал и ушёл в дом.

Он, конечно же, не сомневался – эта нелепая эскапада от начала до конца подстроена. Эти двое хотели чего-то от него добиться, но вот только чего? Они стремились не столько унижить его по-настоящему, сколько разозлить и раздражить. Чтобы он показал, на что по-настоящему способен? А может, всё это есть хитроумный замысел милорда ректора?..

Откуда-то из глубин памяти поднималось некое чувство странной обиды – он, Фесс, раньше имел дело с куда более могущественными противниками, пусть даже сейчас и не может точно вспомнить, с какими именно, а тут – тут ему противостоят не чудовища и не великие волшебники, а всего лишь два недоучившихся аколита, таких же студиязуса, как и он сам!.. Чего он ждёт, зачем мешкает? Гнев властно требовал выхода.

На плечо опустилась рука Даэнура, когти слегка кольнули Фесса через одежду.

– Пусть их, – негромко сказал декан. – Понимаю, трудно сдерживаться... и потом тебе тоже будет ох как тяжело, Неясыть. Простолюдины будут кланяться тебе в ноги, чтобы ты справился с буйствующей нечистью, но при этом не подадут тебе и ложки к обеду, не пригласят ни в один дом, не протянут руки – и даже плату твою, твой хлеб постараются вручить через посредника, какого-нибудь настоятеля их сельской церкви. Но я знаю, ты не сломаешься. Ты выдержишь, у тебя внутри не мякиш, а сталь крепче гномьей. Не знаю твоего прошлого, не знаю, кто тебя воспитывал – но свое дело он сделал хорошо. Иди спать, тебе надо восстановить силы.

– А вы, мэтр? – А я останусь, – со вздохом проговорил Даэнур. – Буду смотреть на Луну и взывать к Мраку. Буду просить у него сил для тебя – помни, тебе ведь не разрешат показать искусство Ночи, тебе придётся довольствоваться узкой для нас тропой Света.

– Это ж нечестно! – возмутился Фесс. – Я не знал... мне никто ничего не сказал... А почему же вы промолчали, милорд?

Уродливая голова опустилась.

– Запрещено уставом, Неясыть.

– Запрещено уставом! – с горечью передразнил Фесс. – Да ведь мне теперь...

– Но ты ведь всё равно не уступишь. – Тёмный взглянул на своего ученика. – Ты не дашь себя побить. Привыкай к тому, Неясыть, – здесь каждый бой станет для тебя нечестным. Твои враги будут бить в спину, регулярно и метко. Они побоятся встретиться с тобой лицом к лицу. Отсюда – все эти уловки, замаскированные под «устав». Но при этом, – Тёмный наставительно поднял палец, – отдадим должное ректору. Он и верхушка Белого Совета до такого не унизятся. Меня они победили... в честном бою. И если, убереги от этого Тьма, тебе придётся схлестнуться с ними в открытом сражении – от Белого Совета не жди предательства. Они слишком самоуверенны, слишком привыкли к превосходству в силе. Благородство... это ведь так легко – быть благородным, снисходительным и великодушным, когда ты – победитель!.. – Последние слова Тёмный почти что выкрикнул.

Наступило молчание.

– Иди спать, – устало сказал Даэнур. – Завтрашний экзамен – не самый сложный в твоей жизни... с каждым курсом они будут становиться всё труднее. А уж про выпускные испытания я и не говорю.

– Но это ещё не скоро... – эхом откликнулся Фесс.

– Ты прав. Ещё не скоро. А вот завтрашний день – он уже совсем близко, вот-вот настанет. Иди спать.

* * *

Ночью Фессу снились странные сны. Он словно наяву видел себя стоящим на высоком, обрывистом берегу широкой реки, вода в которой блестела, словно расплавленный вар; да и цветом вода в реке от вара ничем не отличалась. Из-под ног Фесса вниз уходил каменистый обрыв – иссечённый трещинами сероватый известняк, перевитый невесть как укоренившимися тут длинными ползучими лозами с пышными алыми цветами, источавшими сладковатый, приторный аромат. Противоположный берег реки был, напротив, низким, кривые деревья тонули в поднимающихся тёмных испарениях.

В тумане угадывалось какое-то множественное движение, словно там, под покровом призрачного плаща, торопливо собирались для броски через реку какие-то орды.

Послышался шорох шагов. Фесс резко обернулся, машинально уронив руку на бедро, – но эфеса на привычном месте не оказалось, там болтались только пустые ножны. Ладонь – столь же привычно – скользнула за спину, где полагалось бы висеть другому оружию, – но, увы, и глефы там тоже не было.

Из тумана у него за спиной вышли двое.

– Я смотрю, нам последнее время никуда не деться друг от друга, – ухмыльнулся знакомый уже полуэльф.

– Что поделать, судьба, – отчего-то забыв о привычном «господарь Эвенстайн», отозвался конопатый Бахмут; говор его звучал чисто и правильно, настоящий имперский столичный диалект, ничего простонародного.

– Судьба, – кивнул Эвенстайн, подходя ближе. Он тоже пришёл без оружия. – Ну так как же, Неясыть? Или, может, совсем не Неясыть? А? – Он хитровато прищурился.

– Говори, что надо, и убирайся, – холодно ответил Неясыть.

– Погоди, остановись, – внезапно поднял руку Бахмут. – Заклятье своё можешь не плести, мы же этого не делаем, и амулетов у нас при себе никаких тоже нет.

Мы ведь только хотели тебя спросить...

- Где Мечи, Неясыть? - холодно перебил спутника полуэльф. - Где Мечи?.. Скажи нам это, и...

- И что? - осведомился Фесс. Слово «мечи» никакого отклика в нём не вызвало, однако показывать это раньше времени не стоило.

- Можешь просить что хочешь, - хрипло сказал Бахмут, нервно облизывая губы.

- У тебя, что ли? - презрительно поморщился Фесс.

- Ах ты!.. - сорвался на визг Эвенстайн. - Да знаешь ли...

- Ничего он не знает, - негромко произнёс Бахмут. - Ничегошеньки... Ладно, попробуем по-иному. Посмотри за эту реку, Неясыть. Что ты там видишь?

- Болота да туман, - буркнул в ответ Фесс.

- А в тумане? - настаивал Бахмут.

- Ползает вроде бы кто-то...

- «Кто-то!» - сумрачно передразнил Бахмут. - Не кто-то, а твари Тьмы. Здесь её восточный форпост. В мире слишком многое изменилось с твоим приходом, любезный Неясыть, слишком многое, чтобы быть простой случайностью. Мы хотели бы понять, почему так произошло.

- В таком случае ты не у того спрашиваешь, Бахмут, - отрезал Неясыть.

- Здешняя Тьма теперь - не просто Тьма, - прошипел подошедший почти вплотную полуэльф. - В ней появилось нечто новое, и это новое заставило Древние Силы Тьмы корчиться от непредставимого ужаса! Хозяин Чёрной Ямы забился в самую её глубь от страха перед тем, что надвигается из-за стен Ночи! - Глаза Эвенстайна лихорадочно блестели. - Скажи нам, где Мечи, Неясыть, и тогда мы сможем вместе отразить этот натиск. Видишь, мы играем в открытую. С Мечами мы выстоим. И не только выстоим - мы победим. А иначе...

вода в земле сменится кровью, и эта кровь заполнит колодцы, потому что эта новая Тьма не пощадит никого, если только вырвется из своего логова. Понимаешь, Неясыть? Никого. Пустой мир, идеально пустой, освобождённый от нелепой плесени по имени «жизнь», – вот идеал той Ночи, которой ты служишь вместе с твоим деканом. Ну что, надумал отвечать?

– Но я же сплю? – возразил Фесс.

– Спишь!.. – хмыкнул полуэльф. – Ясное дело, спишь. Мы тоже сейчас спим, экзамен завтра не у тебя одного.

Самым простым было б сейчас сказать – мол, ничего не знаю ни про какие Мечи, слухом не слыхивал, видеть не видывал, что вам надо от бедного студияозуса, которому завтра предстоит отвечать на вопросы из совершенно не его области?..

«Но тогда бы они уверились, что я просто виляю и что-то таю», – подумал во сне Фесс. И сидевший в нём бесёнок внезапно заставил его сказать:

– Ну, хорошо, допустим, а что я получу взамен?

Эвенстайн и Бахмут переглянулись – как показалось Фессу, с удивлением.

– Мы же сказали – всё, что угодно, – хрипло отозвался полуэльф. – Богатство, славу, власть... выбирай!

– А кто ты такой, чтобы предлагать мне это? – насмешливо поинтересовался Фесс.

– Он прав, – после паузы сказал Эвенстайну его конопатый спутник.

– Только не сейчас, – помрачнел полуэльф. – Ладно, Неясыть, мы ещё с тобой потолкуем! И о награде поговорим тоже. Нам надо слегка подготовиться...

– Ну и успехов вам в этом, – насмешливо сказал Фесс и в этот миг проснулся.

Была ночь. Мёртвая, страшная ночь, в какую выкапываются из могил неупокоенные и, стуча костями, направляются к человеческому жилью,

одержимые только одним – страстной жадой убийства. Фесс едва не застонал – ему казалось, что он спит, но на сей раз это уже оказался не сон, а видение – яркое, стоящее прямо перед глазами, вытесняющее собой даже «реальный» мир: старое кладбище, каменная ограда, развороченные могилы... не хватало только незадачливого волшебника Фрегота с его молниями.

Что-то случилось. Что-то произошло в эту ночь. Что ему снилось?.. Какая-то встреча, разговор... мечи... что за мечи? Ничего не помню. А вот с Силой что-то неладно, что-то не так... какое-то великое возмущение, отзвук какого-то исполинского удара – словно докатившееся наконец дальнее-предальнее эхо. Откуда? Почему? Что это значит?..

Даэнур возник на пороге неслышной тенью.

– Ты почувствовал? – негромко спросил Тёмный – видно, не сомневался, что его ученик тоже не спит.

– Да, мэтр. (Вообще-то декана полагалось именовать «милорд», «мэтр» был титулом простых преподавателей, но Тёмный, как известно, обращение «милорд» недолюбливал.)

– Я не понимаю, что это, – покачал головой декан. – Тьма пришла в движение... но это не наша Тьма. Следующей ночью обратимся к нашим богам, Неясыть, спросим их – если, конечно, они ещё не разучились говорить.

После этого Фесс проворочался на узкой постели до самого утра, так и не сомкнув глаз.

* * *

Наступил день экзамена. С моря задул не по-весеннему холодный ветер, и Фесс, выходя во двор, накинул чёрный плащ – единственное чёрное пятно в пёстрой толпе, двигавшейся к главному корпусу Академии. Первый курс экзаменовался первым, более старшие – в последующие дни. Но поглазеть на испытания недавних новичков собирались все без исключения, согласно старой академической традиции.

Никакой зал не смог бы вместить сразу все курсы, и потому аколиты первого года экзаменовались публично, на огромном дворе Академии, недалеко от роскошного фонтана, где белый каменный маг поражал водяным копьём грудь тёмных камней.

Ради столь торжественного случая во дворе сооружался длинный помост с навесом, вешались роскошные драпировки цвета четырёх великих стихий. Мэтры и деканы чинно рассаживались на вынесенных из аудиторий резных креслах, весёлая гурьба аколитов довольствовалась жёсткими деревянными скамьями, а менее расторопные – и каменными плитами двора.

Согласно обычаю, Тёмный тоже сидел рядом с остальными деканами – и вновь, как и осенью, его отделила от других пара пустых кресел, а маленький мастер Алхимик, которому досталось крайнее место, постоянно морщился и делал вид, будто страдает от скверного запаха. Даэнур сидел точно каменное изваяние – ни единого движения. Здесь он был безгласен. Тьма не смела смущать неокрепшие умы, вопросы декан факультета малефицистики имел право задавать только выпускникам.

Милорд ректор начал речь. Слушатели приуныли – глава Академии отличался изрядной разговорчивостью, вдобавок был очень высокого мнения о своём ораторском искусстве. Длинные элегантные обороты на идеальном эбинском Неясыть-Фесс пропускать мимо ушей. Он почти не сомневался, что его вызовут первым, – пока экзаменаторы не утомились.

...Так оно и случилось.

– Рекомый Неясыть, факультет малефицистики, кафедра некромантии! – негромко произнёс дежурный мэтр-распорядитель, однако благодаря магии его голос услышали все до единого, собравшиеся на площади.

Фесс с самого начала занял позицию впереди. В отличие от остальных он не пытался захватить местечко на скамье – какой смысл, если его всё равно позовут первым? Оставаться же и смотреть, как экзаменуются остальные, у него просто не было никакого желания, хотя умом он понимал, что посмотреть стоит, – чтобы одолеть врага, надо его знать.

– Приветствуем тебя, аколит, – строго, но в то же время благожелательно сказал ректор. – Покажи нам, чему ты научился; нам всем не терпится, у нас ведь так давно не экзаменовалось ни одного студияозуса с этого факультета!

Фесс молча и коротко поклонился. Он хорошо умел повиноваться, когда нужно, – но вот совсем не умел гнуть спину.

Ректор едва заметно усмехнулся.

– Кто пожелает первым сформулировать вопрос, милорды? Торопиться не стоит, мне так кажется. Поспрашиваем его побольше.

– А остальные, милорд? – тотчас спросил толстый мастер воды.

– Слегка придержим время, – небрежно махнул рукой ректор, и Фесс невольно поёжился: неужто здешние маги сумели найти брод даже в этой Великой Реке? – Итак, милорды?

Наступила тишина. Толпа аколитов за спиной Фесса тоже затаила дыхание.

– Позвольте мне, – поднялся высокий, тощий и взлохмаченный волшебник, по виду самый молодой из всех деканов – мастер пограничной магии, предводитель молодых и дерзких чародеев, что, не боясь ничего, пробивали своими заклятиями дорогу к самому сердцу Естества. Им Фесс, пожалуй, симпатизировал больше всех. – Пожалуйста, в нескольких словах – отличие Тёмного принципа действия от Светлого!

За спиной Фесса вздохнула толпа, словно один очень большой великан.

– Это не вопрос, милорд, – поморщился ректор. – Это тема для диссертации того, кто будет претендовать на пост ректора сей Академии. Вы ведь и сами на него не знаете ответа. Спросите что-нибудь менее выпренное!

Однако пристыженный мастер только махнул рукой и сел, густо покраснев, – понятно, что такой отповеди он не ожидал.

– Разрешите, – не стерпел мастер воды. – Сударь... э-э-э... а не покажете ли вы нам малый каскад иллюзий, источник – моя стихия, колебания Силы и ее откат – не более полупяди, ну, а высота – на сколько вам хватит... э-э-э... дыхания. Я бы рассчитывал на триста саженей. Благодарю вас.

И вновь Фесс поклонился молча, не ответив ни слова. Малый каскад иллюзий в деталях изучали только на втором году, и то лишь те, кто принял именно знак воды; Неясыть помнил лишь несколько общих принципов.

За спиной кто-то издевательски свистнул. Виски Фесса закололо – мэтры и магистры предусмотрительно ставили защиту.

Каскад иллюзий – это если создаешь некую форму заклятия, вложив в неё достаточно Силы, чтобы хватило на несколько, как говорили студиозусы, «перевёртышей» – когда чары и, соответственно, вызванный ими мираж стремительно меняются, плавно переходя один в другой, но без всякого вмешательства сотворившего волшебство мага.

«Ну, хорошо. Будет вам каскад, да такой, что не обрадуетесь!» Гнев привычно толкнулся в сердце, и Фессу вновь пришлось поспешно его смирять – исполнить задуманное он мог только при полном внутреннем спокойствии.

Площадь затаила дыхание. Все видели, как аколит в чёрном плаще медленно развел руки, а затем его ладони начали стремительный танец – жест пришёл на помощь мысли.

Тёмный с удивлением воззрился на происходящее, не замечая внимательного взгляда милорда ректора. Этому он своего подопечного никогда не учил.

Фесс работал стремительно. Никто на площади не мог уловить и малейших колебаний или отката Силы, означавшего, что маг не может справиться с устремившимся на него потоком мощи и от него, как от брошенного в воду камня, все шире и дальше расходятся круги возмущений.

...Чувство было такое, словно он поднимается по узкой и скользкой тропе, таща на спине многопудовый груз. Икры ног то и дело сводило судорогой, Неясыть-Фесс лишь огромным усилием удерживался от стога. Он всеми силами тянулся к воде, вызывая в сознании образ голубой стихии, – но чужая, враждебная сила

словно бы сворачивалась в мокрый, скользкий комок, упрямо выскользывавший из негнущихся от внезапного холода пальцев. Фессу показалось, что он уже слышит издевательские смешки за спиной, что различает голоса полуэльфа с Бахмутом. Интересный всё-таки сон снился... к чему б такой?.. Он отвлёкся всего лишь на миг, и этого, к счастью, хватило, чтобы неведомые враги решили, будто бы он обратился в бегство.

Водопады... ревущие пороги... вода, прорывающая плотины... чёрный рвущийся с горы поток, с легкостью переворачивающий громадные камни...

Руки помогли мысли завершить плетение.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Об этих и других событиях подробно рассказано в романе «Алмазный Меч, Деревянный Меч».

2

Клара Хюммель – персонаж романа «Алмазный Меч, Деревянный меч», жительница Долины магов, могущественная волшебница, боевой маг по найму, глава Гильдии боевых магов, наставница Фесса.

3

Сежес – маг, глава одного из Орденв Радуги.

4

Персонаж романа «Алмазный Меч, Деревянный Меч», странствующая воительница и волшебница, уроженка Мельинской Империи, была спутницей Сидри Дромаронга в походе за Драгниром, затем – соратница Клары Хюммель.

5

Член Гильдии боевых магов, уроженка Долины, молодая чародейка, спутница Клары Хюммель.

6

Так же, как и Эвис, член Гильдии боевых магов, только куда старше.

7

Четвёртый боевой маг, спутник Клары Хюммель.

8

Воительница-наёмник, из числа постоянной стражи, охранявшей Долину магов, давняя соратница Клары Хюммель, валькирия.

9

Мескот, Ирэн Мескот – могущественная волшебница, жительница Долины магов, опытейшая целительница. Давняя недоброжелательница Клары Хюммель.

Купить: <https://tellnovel.me/ru/nik-perumov/rozhdenie-maga>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)